

Наталия Аникина

Кошка, которая умела плакать. Книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=160245

Аникина Н. Кошка, которая умела плакать: психологическое фэнтези: ООО «Написано пером»;
С.-Петербург; 2014
ISBN 978-5-00071-056-2

Аннотация

Наши души...

Откуда они взялись?

Кому принадлежат и принадлежат ли?

Как быть, если твоя истинная суть делает тебя чужим среди родни и грешником в глазах жрецов?

Можно ли изменить анатомию своей души? И стоит ли игра свеч?

Аниаллу ан Бриазллар, Тень Её Кошачести назй Аласаис, отлично знала ответы на эти вопросы. Особенно – на последний. Век за веком твердила она несчастным, губящим себя в страхе и сомнениях существам: «Ваши души, какова бы ни была их природа, бесконечно ценны для Бесконечного. И потому никто не имеет права делить их на хорошие и плохие, заставлять вас насиловать свою природу. Тот, кто делает это, должен быть остановлен – неважно, какую цель он преследует. Из этого правила нет исключений».

Всё было так просто и ясно... до тех пор, пока Аниаллу смотрела на происходящее со стороны. До тех пор, пока её собственная «высшая сила» не сказала ей сакраментальное: «Ты должна пожертвовать своим я во имя высшего блага».

Так кто она, Аниаллу ан Бриазллар – исключение из правил или позор рода кошачьего, учившая других тому, во что никогда до конца не верила сама?

Содержание

1. «Логово змея»	5
2. Кошка на дереве	22
3. Страж кошачести	32
4. Подозрения	53
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Наталия Аникина
Кошка, которая умела плакать
Книга 1
***Редакция вторая, дополненная,
исправленная и высочайше
одобренная патриархом Селорном***

© Наталия Аникина (Н. С. Булыгина), 2014

© ООО «Написано пером», 2014

1. «Логово змея»

...И стоит тебе пустить в своё сердце это малое зло, стоит поступить так, как не подобает твоей расе, стоит начать жаловаться на жизнь – они заметят тебя. И придёт к тебе женищина-зверь со светящимися глазами и острыми клыками. Она околдует тебя речами о том, что всё зло в тебе есть добро, и утащит в своё логово, в обитель порока, на проклятую синюю звезду, где нет места теплу и истинному свету, где только ненависть и жажда крови будут согревать тебя. Холодным пламенем они сожгут твою душу, и не останется в ней места для красоты и благородства, сострадания и чести. Ты станешь так ужасен в своей мерзости, что даже твои друзья будут охотиться на тебя, как на зверя, ибо бездушным зверем ты станешь.

Лиддарианская сказка

Зелёное пламя толстых белых свечей отражалось в отполированной чёрной столешнице и заставляло десятки расставленных на ней бутылей таинственно мерцать. В одной из них клубился, свиваясь спиралями, белёсый туман; другая казалась наполненной каменной крошкой, от одного взгляда на которую почему-то начинали ныть зубы; в третьей ржавела кучка разномастных цепей и цепочек; четвёртая, как морской ёж, оцетинилась сотнями шипов, то и дело меняющих свою длину. В пятой бутылки кишели ярко-алые многоножки, исходящие ядом в попытке прогрызть толстую стенку своей темницы, а в её изящной, выдутой из розового стекла, соседке мирно дремали в сиропе половинки персиков, пересыпанные пепельными лепестками дарларонской вишни. Рядом примостился пузатый, приземистый сосуд на восьми паучьих лапах, в котором колыхалось нечто тёмное, похожее не то на гигантского слизня, не то на чью-то пропитую печень. «Нечто» было проткнуто десятком костяных трубок, пропущенных через отверстия в стенках сосуда и закупоренных разноцветными пробками. В горле бутылки поблёскивало жутковатого вида приспособление, напоминающее шприц с тремя иглами разной длины. Металлические кольца на его конце подёрнулись изморозью от холода, испускаемого стоящим неподалёку кувшином из голубой нель-илейнской глины – его опоясывали вереницы зачарованных льдинок, отбрасывающие на столешницу зыбкий венок бледных бликов.

Ирсон Тримм с гордостью взирал на всё это великолепие и в какой уже раз думал о том, что далеко не всякий линдоргский алхимик может похвастаться такой впечатляющей коллекцией редких веществ. А похваставшись – остаться в живых: тут же найдутся желающие наложить лапу на его разлитые по бутылкам сокровища и, главное, обезопасить собственную спину – мало ли по чью душу он их там готовит.

К счастью для Ирсона, бывшие коллеги по цеху относились к нему с таким глубочайшим презрением, что не видели в нём конкурента. И даже ограбить его считали ниже своего достоинства (что, естественно, не могло его не радовать). В их глазах Ирсон Тримм, выпускник знаменитой Линдоргской Академии Магии, был предателем своей благородной профессии: вместо того чтобы составлять эликсиры, позволяющие вкусившему их обрести иммунитет к магии, одним взглядом превратить дракона в гигантскую отбивную или, на худой конец, стать невидимым, он готовил презренную выпивку, коей и торговал здесь – в таверне «Логово Змея». И Ирсона ничуть не извинял тот факт, что напитки его славились далеко за пределами Энхиарга.

Секрет популярности «Логова» крылся в том, что отвары и настойки, которые в нём подавали, действовали на танаев, элаанцев, даоров и прочих существ, наделённых природ-

ным иммунитетом к опьянению, так же... успешно, как виноградное вино на людей. Ирсон Тримм нашёл в торговом деле никем не занятую нишу и зарабатывал на чужих слабостях неплохие деньги. Клиентов у него всегда было в достатке... и обычно это очень радовало хозяина. Но сегодня был особенный день, и Ирсон мечтал поскорее избавиться от посетителей.

С возрастающим раздражением наблюдал он за припозднившейся компанией молодых колдунов, отмечающих свой выпуск из Линдоргской Академии. Только вчера они получили вожделенные дипломы и посохи – бесполезные, но красивые символы их нового положения. Судя по манерам, эти четверо явно не входили в число лучших учеников – иначе их уже давно взял бы под полу своей мантии кто-нибудь из преподавателей, а все они, следом за господином Ректором¹, требовали от подопечных строго блюсти своё мажеское достоинство. Во всяком случае, в присутствии посторонних. Гости же Ирсона вели себя как молодые бычки, которых выпустили на первое весеннее солнышко после полуголодной зимовки в тёмном душном хлеву. Они опьянели не столько от вина, сколько от сознания того, что весь этот кошмар под названием «учёба в Линдоргской Академии» наконец-то кончился. Радость распирала их. Не зная, как ещё выразить её, они то и дело опрокидывали стулья, стучали кружками по столу, требовали все новые и новые блюда, пели дурными голосами и... не оставляли Ирсону никакой надежды на то, что скоро разойдутся.

Один из них стоял у чёрной колонны и методично плевал на неё. Ирсон усмехнулся. За неделю до начала выпускных экзаменов Линдоргской Академии он попросил знакомого волшебника наложить на колонну заклятье, позволяющее тому, кто смотрел в её отполированную до зеркального блеска поверхность, видеть в ней лицо самого ненавистного ему существа. В это самое лицо можно было от всей души плюнуть, пока оно не ушло обратно вглубь камня. Если плевков был точным и своевременным, иллюзия комично морщилась и делала запоздалые попытки увернуться. К линдоргцам из колонны с неизменной важностью выплывала, разумеется, фигура Ректора – редкостного изверга, который, казалось, в равной степени ненавидел и своих студентов, и коллег. Она немедленно атаковалась смачным плевком прямо в высокомерную морду. Хотя любой чародей мог запросто организовать себе такое развлечение в собственных покоях, то, что можно было выказать своё непочтение господину Ректору не прячась, а вроде как публично, приводило молодых магов, замученных вечными нотациями и придирами, в неописуемый восторг.

Не в силах больше смотреть на всё это безобразие, Ирсон отвернулся и остановил взгляд на магической завесе, перламутровой плёнкой затянувшей дверной проём позади стойки. Она предназначалась для того, чтобы не позволять запахам блюд, готовящихся на кухне, просачиваться в залу. Такая мера была необходима, потому как некоторые из посетителей таверны предпочитали кушанья, имеющие, мягко говоря, неприятные для других существ ароматы. Сам Ирсон страдал от резких запахов куда больше всякого из своих гостей. Будучи наполовину *танаем*, он, как и все *змеи Тиалианны*, обладал необычайно чутким обонянием. Нос был для него куда более важным органом чувств, нежели глаза или уши, и именно ему Ирсон был во многом обязан своими успехами в приготовлении зелий: он мог мгновенно определить состав любого снадобья, проверить качество и свежесть ингредиентов, доставляемых из разных уголков Бесконечного, да и многое, многое другое... Но в то же время сверхразвитое обоняние доставляло своему обладателю кучу проблем: любой резкий запах воспринимался им как горсть песка, брошенная в глаза, или оглушительный крик в самое ухо.

¹ Ректор Линдорга является не только главой Линдоргской Академии Магии, но и правителем города, где она расположена. Предположительно, является человеком. Настоящее имя его никому не известно.

Вот и сейчас, втянув тонкими ноздрями воздух, Ирсон болезненно поморщился: с кухни так и разило таргами, которых изволили заказать господу маги (и которые час назад, не будучи заморожены надлежащим образом, сами едва не отобедали готовившим их поваром). Танай решил воспользоваться свободной минутой и обновить ослабевшее заклинание-абсорбент. Порывшись в кармане, Ирсон достал крошечный стеклянный шарик, в который был запаян кусочек рыхлой грязновато-жёлтой губки. Подбросив его на ладони, танай ловко зашвырнул шарик в центр дверного проёма, и тот увяз в перламутровой завесе, как муха в паутине. Вперив в него остановившийся взгляд, Ирсон начал тихо читать заклинание. Завеса вокруг шарика становилась плотнее, наливалась густой белизной – словно плутовавшая молочница, разбавившая свой товар водой, заглянула в ведро, решила, что переусердствовала, и теперь, давясь от жадности, медленно вливала в него вчерашние сливки.

Закончив, Ирсон подошёл к завесе, понюхал воздух и, удостоверившись, что он снова стал идеально чистым, вытащил из неё чуть вибрирующий шарик. Вернувшись на свой пост, он оглядел залу и с радостью обнаружил, что один из магов – тот, который усердно оплёвывал Ректора Линдорга, – видимо, утомился от этого благого занятия и заснул, сидя у колонны и свесив голову на грудь.

Увы, остальные трое выглядели ещё очень бодрыми, причём один из них направлялся к Ирсону. И наглый вид его не сулил танаяу ничего хорошего.

– Это кто же так колдует? А? – пьяно пробублькал чародей; его голос и движения не вязались с аристократически-правильными чертами лица, над которым явно поработали изготовители тел.

– Ирсон Тримм, хозяин таверны «Логово Змея», – пряча ухмылку, поклонился Ирсон. – Могу я спросить, что так раздосадовало ваше могущество?

– Это! – «могущество» ткнуло пальцем в Ирсонов шарик с губкой. – Магия должна быть ч-чистой! Линдоргскому магу не нужны к-к-костыли!

– Ну разумеется, не нужны. Но какой из меня линдоргский маг? Не вышло из меня мага, – «сокрушённо» покачал головой Ирсон.

Его забавляли подобные диалоги. Прекрасно зная, как второсортным колдунам вроде этого жилось в Линдорге, он давал им отвести душу. Сам же Ирсон испытывал тонкое наслаждение от сознания того, что оскорбительные речи ничуть не задевают его, не заставляют сомневаться в выбранной профессии и образе жизни. За свою безопасность танай не волновался. Во-первых, он отчётливо видел бреши в защитных чарах, которые его собеседник второпях наложил на себя перед попойкой. А во-вторых... у него были и иные причины для спокойствия.

– Я – так, выучил парочку простых заклинаний – ну там, чтобы овощи не портились, и вино не скисало, – продолжал он свой благотворительный спектакль. – А все лекции по мажескому достоинству, без которых, как известно, маг не становится настоящим магом, прогулял. Видите, я и свечи жгу как ни в чём не бывало!

Свечи были пунктиком господина Ректора Линдоргской Академии. Он строжайше запрещал своим подопечным пользоваться любым немагическим огнём (если, конечно, того не требовало одно из творимых ими заклинаний). Время от времени читая лекции по предмету под названием «Мажеское достоинство», он вдалбливал в головы студентов мысль, что тот, кто не пользуется своими колдовскими способностями в каждом удобном случае, предпочитая, скажем, застёгивать пуговицы пальцами, а не творить модифицированное заклинание левитации, не достоин именоваться волшебником. Ничего путного из него не выйдет. Магией надо жить, дышать ею, любить её, быть привязанным только к ней, пить её и есть на завтрак... Надо ли говорить, что ученики, добросовестно следующие этому совету, к концу своего обучения оказывались совершенно беспомощными в быту и впадали в панику, если по той или иной причине теряли возможность колдовать?

Ирсона Тримма буквально выворачивало от всей этой пропаганды. Пребывая в стенах Академии, он находил какое-то извращённое удовольствие в том, чтобы завязывать шнурки, расчёсывать волосы, стричь ногти или заправлять постель, так сказать, вручную. Со свечами же у него и вовсе сложились прямо-таки трогательные отношения. Он не мог пройти мимо торгующей ими лавки, чтобы не купить себе пару-тройку новых – ноздреватых или гладких, с вырезанными оконцами или утопленными в воске травами. Каждое утро Ирсон с благоговейным видом расставлял на стойке новые свечи и смазывал столешницу вокруг них душистым маслом. Вечером он гасил огни и собирал со стойки тёплые, затвердевшие восковые слёзы. Выбрасывать огарки у него не поднималась рука, и он тайком хоронил бранные останки свечей в громоздком деревянном ларце, под слоем мягких стружек.

Собеседник Ирсона икнул и, сощутив мутные глазки, окинул таверну долгим взглядом – видимо, он только сейчас заметил вышеупомянутые свечи.

– Какой позор! Позор для всех нас, которые десятилет... десятилетия положили на то, чтобы стать достойными звания линдоргских магов! – наморщив свой орлиный нос, изрёк он наконец. – Таким, как ты, не место в стенах Академии!

– Так я вроде давно в них и не появляюсь. У меня есть свой персональный гадюшник.

– Линдоргская Академия – гадюшник?! – тут же взвился волшебник. – Да я тебе сейчас язык твой раздвоенный вырву!

– Ну зачем же? Мне бы и в голову не пришло назвать прославленную ЛАМ гадюшником, – примирительно сказал Ирсон, пожурив себя за несдержанность.

Но набравшийся колдун, увы, униматься был явно не расположен.

– Тогда я хочу, чтобы ты уничтожил свой диплом. Сейчас же! Иначе что мы тут празднуем – то, что получили такие же посохи, как и всякая чешуйчатая мразь? – С этими словами он обернулся к своим товарищам, но они его явно не расслышали.

Ирсон вздохнул и едва заметным движением почесал запонку в форме кошачьего носа.

– Конечно, не такие же. На каждом посохе вырезают, какое место среди выпускников занимал его владелец. Мне, увы, тут гордиться нечем, в отличие от вашего могущества, которое, очевидно, входило в четвёрку лучших. И не противно вам говорить о высоком искусстве магии с таким неучем, как я? Позвольте лучше мне заняться своим делом – налить вам ещё по стаканчику.

С этими словами Ирсон достал из-под стойки оплетённую металлической сеткой бутылку, в которой плавали «солнечные рыбки» – медузы, до смешного похожие на яичные желтки.

Маг с угрожающей медлительностью повернулся к таная, губы его были презрительно искривлены, пальцы поднятой руки так и мелькали, плетя заклинание... Но стоило ему взглянуть на Ирсона, как господин выпускник буквально поперхнулся словами и почувствовал, как кровь отлила от его лица. Он не сразу понял, что в облике Ирсона так напугало его. Таверщик был всё такой же: молодой, немного высоковатый для таная, худощавый, с взъерошенными рыжевато-каштановыми волосами. Он выглядел вполне человекообразно, но в чертах его удлинённого лица с несколько раскосыми глазами, выступающими скулами и прямым, чуть сплюснутым на переносице носом, во всей повадке всё же чувствовалось что-то неуловимо змеиное. Кое-где на его физиономии жемчужно поблёскивали чешуйки...

У мага едва не подломились колени. Он запоздало понял, что оказался нос к носу с самим Пирожником – неуловимым линдоргским маньяком, охотившимся на молодых чародеев и оставляющим на их растерзанных трупах жирные эклеры и корзиночки с кремом. Он убивал своих жертв в людных местах, так что, когда их находили, выпечка обычно была ещё тёплой...

Маг поискал глазами пирожное, не нашёл, но ничуть не успокоился – однажды он сам едва не стал жертвой этого безумца. Второкурсником он спускался в подвал за пискучей

плесенью и еле успел убраться с дороги бегущего навстречу мужчины в драном розовом плаще. Не придав этому значения, он повернул за угол... и наткнулся на труп, на переносице которого, между остекленевшими глазами, расселась влажная ромовая баба. Не помня себя от ужаса, маг кинулся в глубь подвалов и просидел там до самого вечера.

Лица незнакомца под капюшоном он не разобрал, но успел заметить, что всё оно покрыто какими-то светящимися точками. Их расположение буквально врезалось в его память. И оно точно совпадало с расположением чешуек на лице Ирсона Тримма. Видимо, они наливались холодным белым огнём, когда танаем-убийцей овладевала жажда крови. Презренный таверщик оказался коварным чудовищем, которое ладно бы просто убивало несчастных студентов – это ещё как-то можно пережить, так нет – оно делало с ними нечто такое, что никто уже не мог воскресить их. Поговаривали, что Пирожник заточал сами души своих жертв в какой-то магический сосуд...

Сосуд этот стремительно трезвеющий колдун сейчас видел перед собой. Отнюдь не солнечные рыбки плавали в бутылки – там томились пленённые, страдающие души невинно убиенных чародеев... к которым – по всему видно! – скоро присоединится и его собственная душа. Линдоргец не мог даже вздохнуть, не то что позвать на помощь товарищей...

* * *

Глядя на покрывшегося испариной клиента, Ирсон и сам несколько растерялся. По его представлению, заклятие, пробуждённое прикосновением к запонке, должно было внушить драчливому колдуну совсем другие чувства: или привести его в благостное расположение духа (когда хочется петь песни и угощать всех выпивкой за свой счёт), или же, напротив, вогнать его в тоску (каковую, опять же, требовалось оперативно залить чем покрепче). Но уж никак не напугать до полусмерти. Страшно подумать, во что были способны превратить «Логово» четверо запаниковавших магов.

Не придумав ничего лучшего, Ирсон снова коснулся выглядывающего из петли на манжете носа.

Глаза его схватившегося за сердце визави начали возвращаться в свои орбиты. Смертельный ужас сменился в них недоумением... а затем пришла очередь раздражения.

– Откуда ты узнал про... – гневно сопя, начал линдоргец.

– Не продолжайте, не продолжайте, господин маг! – замахал руками Ирсон. – Я понятия не имею, что вам померещилось!

– Да уж конечно! Это не ты заставил меня поверить, что...

– Это не я, – снова оборвал его Ирсон. – Это они.

Танай ткнул пальцем себе за спину, где со стены улыбались две очаровательные кариатиды, поддерживающие декоративную арку. Одна была вырезана из редчайшего медового дерева, другая – из чёрного ствола каменного дуба. У обеих юных дев были кошачьи хвосты и уши. Каждая держала в свободной руке светильник в виде бокала, который освещал наполненные бутылками шкафы за ней.

– Это же *алайки*. Им не нужно копаться в вашей памяти, лезть в ваши мысли. Они внушили вам страх передо мной, а подходящую причину испуга подкинул уже ваш собственный разум. Я понятия не имею, как он истолковал ваши чувства, кем там я вам привиделся, – развёл руками Ирсон, косясь за плечо мага: пошатываясь, к стойке подтягивались его товарищи. Один из них волочил за собой посох.

– Господа, предупреждаю, что вы при всём желании не сможете устроить здесь драку. Чары этих прекрасных дам вам не позволят, – заявил танай.

– Да плевал я на твоих... дам. Морды клыкастые, – вытерев лоб рукавом, скорчил омерзительную гримасу маг. – Нет, вы посмотрите, этот неудачник пытался спрятаться алайке под хвост! А не вышло! И не выйдет. Теперь, когда мы предупреждены, этот номер...

– Пройдёт настолько же хорошо, – совершенно спокойно сказал Ирсон; вся эта сцена успела ему порядком надоесть. – А предупреждены вы были ещё раньше: справа от входа висит табличка «Охраняется алаями». Проглядеть её трудно – она специально красным подсвечена. И не надо здесь размахивать этой волшебной палочкой-переростком! Тем более что, как вы верно заметили, у меня есть такая же. С незначительными отличиями, – добавил танай, решив, что полностью полагаться на своенравных деревянных кошек всё же не стоит.

Он опустил руку под стойку, снял с крючков собственный линдоргский посох и положил его на столешницу.

– Гляньте – посох! Да он, небось, им в своих котлах зелья мешает! – пьяно заревел подошедший колдун, и Ирсон в какой уже раз подумал, что магическое образование ничуть не облагораживает. Обезьяна обезьяной.

– Иногда – да, – миролюбиво согласился Ирсон и чуть повернул посох, давая гостюшкам возможность рассмотреть резьбу на нём.

Стоило им сделать это, как на лицах троицы появилась крайняя степень недоумения. Ирсон был пятым в своём выпуске. Танай выдержал паузу – пусть господа маги попытаются догадаться, что заставило чародея такой силы терпеть их пьяные выходки (да и вообще сидеть в этом тухлом «Логове Змея»), а затем спросил:

– Я так понимаю, на этом можно считать инцидент исчерпанным?

– Да, – мигом присмирив, кивнула несостоявшаяся жертва Пирожника; её нетрезвое подкрепление тоже стушеввалось.

С минуту маги топтались на месте, а потом, переглянувшись, ретировались, оставив своего не в меру ретивого коллегу в одиночестве. Он же, желая расквитаться за давешний испуг и при этом сохранить свою шкуру, переключился на безответных кариатид:

– Вот ведь гнусные твари! Вечно суют свои носы... Ну ничего, они уже доигрались. Хорошо им в Канирали хвосты прищемили! А то ли ещё будет!

– И что же будет? – поинтересовался Ирсон, убирая посох обратно под стойку.

– Шкуру с них спустят, вот что. Господин Ректор тоже решил не оставлять их делишки без внимания. Он послал в Канирали своих лучших людей, чтобы собрать доказательства.

– О! Узнаю нашего любимого Ректора, сам Веиндор Милосердный ещё сомневается, что виновники происшедшего – алаи, а ему уже всё кристально ясно. И почему же он так уверен, что именно кошачьи телепаты стравили тамошнюю знать? – Ирсон прикрыл горло бутылки с солнечными рыбками марлей и ловко плеснул из неё немного прозрачной жидкости в маленькую крутобокую рюмочку.

– А кто ещё это мог быть? – скривился линдоргец, подозрительно косясь на медуз.

– Да кто угодно – мало ли мозголазов в Энхиарге, – пожал плечами Ирсон, добавляя в рюмку несколько капель белёсого, как молоко одуванчика, ликёра.

– Тогда почему Веиндор схватил именно котов? Или ты думаешь, что *он* мог ошибиться? – иронично сощурился маг.

– Веиндор ещё не принял решения. Он забрал с собой нескольких телепатов, чтобы *разобраться*, виновны ли они, – придвигая к клиенту рюмку, напомнил танай. – А вообще – да, я думаю, что Милосердный вполне мог ошибиться. Он – назй Смерти, и... – Ирсон на мгновение сжал челюсти, – и он вряд ли может ошибаться в отношении того, кому пришло время умирать, а кому стоит жить дальше, или в каком теле кому родиться. Но он никогда прежде не интересовался ничем, кроме смерти и всего, что с ней связано. И в области отношений между разумными, и в телепатии он – уж прости, господин маг, мой ядовитый язык – дилетант.

– Он – наэй, – возразил линдоргец.

– Неллейн – тоже наэй, – хмыкнул Ирсон. – Но ты же не хочешь сказать, что он умело правит своими землями? Да наш Владыка Вод собственную знать не может унять, чтобы они перестали друг друга резать!

Маг не стал возражать.

– А позволю полюбопытствовать, – продолжал таверщик, – какие такие доказательства вы рассчитываете собрать, если, как известно, кошачьи телепаты никогда не оставляют следов своей... деятельности?

– Видимо, Господин Ректор нашёл способ изобличить их, – сдержанно ответил линдоргец.

– Какой же? – недоверчиво приподнял бровь Ирсон.

– Никто не знает, – пожевав губы, нехотя выдавил его собеседник. – Кроме магов, поехавших в Канирали.

– И кому же поручено возглавить эту почётную миссию?

– Них'назу Мабрагу.

– Кошкодаву? – хохотнул Ирсон. – Да, более беспристрастного посланца Ректор не смог бы найти!

– Не смог бы, – с вызовом сказал маг, каким-то судорожным, вымученным движением, словно боясь обжечься, но, не желая показывать своего страха, он цапнул со стойки рюмку и пошёл к своему столу.

* * *

Ирсону оставалось только гадать, чем представились этому беспокойному линдоргцу медузы в бутылке, и почему тот с таким ужасом переводил взгляд с одной чешуйки на его лицо на другую.

Он и сам терпеть не мог эту чешую. Жемчужные пластинки, унаследованные от матери-танайки, постоянно вылезали на его физиономии в самых неподходящих местах и в сочетании с «отцовскими» конопушками смотрелись до неприличия комично. Что, разумеется, раздражало таная. А ещё они чесались. Ирсон испробовал всё – от мазей до обращения к специалистам по «проклятиям» и изготовителям тел, но злокозненная чешуя всегда находила способ проложить себе дорогу к солнцу. Чтобы одержать над ней хотя бы временную победу, приходилось действовать самыми варварскими, примитивными способами.

Танай снял с пояса тонкий кинжал, извлёк из-под стойки зеркальце, бутылочку с обеззараживающей жидкостью, кусочек чистой мягкой ткани и протёр голубоватым составом лезвие и пальцы. Осторожно ощупав чешуйку под глазом, он с радостью обнаружил, что она плохо прилегает к коже, прикрепляясь к ней лишь одним из углов. Танай попробовал оторвать её, подцепив ногтем. Как ни странно, это ему удалось. Жемчужная пластинка отделилась от лица Ирсона, не оставив после себя никаких следов. Он принялся за вторую, третью, четвёртую... На этот раз схватку с чешуёй удалось закончить малой кровью.

Довольный танай поднял глаза от зеркала и обрадовался ещё больше: наконец-то последний из магов перенёсся в мир грёз, чудом не свалившись со стула. Ирсон отложил кинжал и громко крикнул:

– Эфир!

Но никто не отозвался даже тогда, когда Ирсон в четвёртый раз проорал имя своего дежурного чародея, вдобавок усилив свой голос магией. Способностей этого бездельника было достаточно, чтобы отыскать в замутнённом выпивкой сознании клиента сведения о местонахождении его дома и перенести его туда. Никакое колдовское или иное воздействие не выбило бы хмель из этих умных голов, так мирно покоящихся на крышке стола, поэтому

должность, которую занимал Этир, была необходима в «Логове Змея». Вот только исполнителя этой почётной обязанности Ирсон выбрал не самого достойного – маг постоянно где-то пропадал...

Ирсон прождал ещё добрый десяток минут, пока сонный Этир, бурча что-то себе под нос, не изволил явиться пред его серые очи. Не удостоив своего хозяина взглядом, он шлёпнул ладонь на лоб первого попавшегося колдуна, поморщился, взмахом руки поднял похрапывающее тело в воздух и, маня его пальцем, направился к выходу.

Этир не возвращался странно долго, а когда наконец появился, вместе с ним в залу вошёл ещё один человек. Путаясь в длинных полах широкой серой мантии, он, словно от сильного волнения, постоянно кусал тонкие губы. Его вытянутое лицо и длинные руки, в одной из которых он сжимал большой бумажный свёрток, покрывали зеленовато-жёлтые пузыри.

– 3-з-здравствуйте, – высоким сбивающимся голосом сказал незнакомец, подойдя к Ирсону вплотную.

– И вам тоже не болеть, – пробормотал танай, еле сдержавшийся, чтобы не отшатнуться от неприятного гостя: Ирсону показалось, что волдыри на лице его собеседника слегка шевелятся.

– Не бойтесь, – замахал руками тот, осознав свою ошибку и отступая от Ирсона на шаг, – я ничем не болею. Это симбионты – эксперимент. Элмианатриус адил, разумные битакстум симбельтаты... К вам сегодня должна прийти гостья. Это для неё.

– Какая гостья? – деланно удивился Ирсон. – Мы закрываемся, почтенный маг.

– Именно та алайская гостья, из-за которой вы и закрываетесь сегодня так рано, – заговорщически прошептал человек и, в лучших традициях своей профессии, истаял в воздухе.

Не обратив никакого внимания на странного гостя, Этир вынес вон ещё парочку магов. Теперь он возился с последним, пытаясь вытащить из его пальцев серебряный бокал, в который тот вцепился мёртвой хваткой.

У Ирсона кончалось терпение. Он стукнул кулаком по стойке:

– Да отправляй его так, с бокалом. Не пообедем. И можешь быть свободен.

Этир равнодушно пожал плечами и «поволок» своего пьяненького собрата по посоху к выходу.

Ирсон тем временем убрал тарелки и кубки, оставшиеся на столике магов, и погасил огни в глубине зала, раздумывая, кем бы мог быть этот странный субъект, откуда он знал о том, какие гости иногда посещают хозяина «Логова Змея»? Гости, которые не появляются в «Логове Змея» до тех пор, пока его не покинут все, чьи глаза не должны их видеть.

Танай уже было решил, что таковых в его заведении не осталось, как, к его недовольству, зачем-то вернулся Этир. Ирсон медленно закипал, но маг и не думал этого замечать.

– Вот что я думаю, – сказал Этир, располагаясь на стуле рядом со стойкой, – друг мой танай, почему бы нам не хлопнуть по стаканчику чего-нибудь эдакого за здоровье нашего недоеденного кулинара?

– Будешь много пить – мозги сгниют, – прошипел Ирсон. – Давай лучше иди домой – отдохни после трудов праведных.

– У, змей, – укоризненно прорычал маг, которому вовсе не хотелось идти к себе: у него гостил отец, один из почтенных преподавателей Линдорга, решивший, видимо, в очередной раз повоспитывать своего непутёвого сына.

– Ладно, пойду пить к конкурентам, – обречённо пробормотал Этир, наконец спрыгивая со стула. – Смотри, Ирс, так всех постоянных клиентов порастеряешь!

– Угу, – согласился танай с ехидной ухмылкой. – Потеряю... Одну из статей расходов.

– Это почему же? – маг остановился и обернулся к Ирсону.

– А ты хоть раз за выпивку платил? – резонно поинтересовался хозяин «Логова».

Ответить Этиру было нечего. Маг с видом оскорблённой невинности фыркнул и, пробормотав что-то насчёт чешуйчатых скупердяев, из-за которых продукты откусывают руки ни в чём не повинным поварам, направился к выходу.

* * *

Ирсон действительно поджидал гостью, и гостья эта принадлежала к расе алаев – детей наэй Аласаис, прекрасной владычицы эмоций и чувств. Той, чьими глазами называют луны Энхиарга. Сегодня Аласаис закрыла свои сияющие очи, и мир погрузился в звёздную тьму. Именно в такие безлунные ночи, словно опасаясь попасть своей владычице на глаза, Аниаллу ан Бриазллар и приходила в «Логово Змея» навестить своего друга Ирсона. В этой традиции было что-то ритуальное, мистическое... и они оба находили это очень забавным.

Познакомившись случайно, при обстоятельствах, о которых Ирсон предпочитал не распространяться, алайка и танай нашли друг в друге на редкость интересных собеседников и могли общаться часами, переходя от философских рассуждений к сплетням об общих знакомых, а от тех – к политике. К концу же встречи разговор неизбежно скатывался к жалобам на жизнь. Изначально наибольший вклад в эту его часть вносил Ирсон, чувствовавший себя неуютно из-за того, что ему больше нравится готовить зелья, нежели развивать свои магические таланты более благородного свойства; затем, в полчища разогнав сомнения друга в его нормальности, первенство с чистой совестью перехватила госпожа ан Бриазллар. И удерживала его вот уже несколько лет.

Тем не менее в жизни Ирсона трудно было найти более счастливые минуты, чем проведённые в этих разговорах, спорах и откровенном нытье, и каждый месяц он с нетерпением ждал появления Аниаллу.

* * *

Ирсон закрыл ставни на окнах и опустил звуковые щиты, не позволяющие ночным звукам проникать в залу. Неторопливо пройдясь вдоль стойки, он пальцами потушил свечи и вместо них зажёл несколько новых, из комковатого серого воска. Их мягкий свет расплавленным маслом растёкся по стойке, спрятал под полупрозрачным золотистым покрывалом бокалы, бутылки и их обитателей. Дальняя часть залы утонула в тени. Ирсон уселся на табурет, облокотился о стойку, зевнул... и «Логово Змея» погрузилось в дрему. Казалось, даже пленённые многоножки, лишившись публики, кусали стенку бутылки уже с гораздо меньшим остервенением, а некоторые из них и вовсе свернулись алыми щетинистыми кольцами. Устали и уснули.

Ирсону на ум пришло совершенно неуместное сравнение: когда-то один из посетителей таверны рассказал ему, как у него на родине охотятся на тварей, именуемых в переводе на всеобщий язык «недохищниками». Эти чрезвычайно осторожные существа нападали лишь на спящую добычу. Только убедившись, что дыхание жертвы стало глубоким и ровным, тело расслабилось, сердце стало биться реже, они крадучись приближались к ней и прыгали, чтобы одним мощным ударом челюстей перекусить ей горло. Именно в этот момент (прыжка, а не перекусывания) притворившемуся спящим охотнику и надлежало заколоть недохищника длинным кинжалом.

Вот и «Логово Змея» сейчас затихло, поджидая жертв... гостью. И гостья не замедлила появиться. В дверном проёме обрисовался невысокий силуэт с двумя треугольниками ушей на макушке. В зале пахло свежим духом драконьих сосен – видимо, Аниаллу переместилась в «Логово» из леса или парка. Она всегда появлялась незаметно, без так любимых магами эффектов – вульгарного пламени, искр или тумана. Давая возможность глазам

привыкнуть к полумраку, она остановилась, задумчиво поскребла когтями дверной косяк и, совершенно по-кошачьи изогнув шею, потёрлась о него щекой.

Ирсон, не сразу стряхнув дремоту, рассеянно подумал о том, как это удивительное существо, в котором так сильно звериное начало, которое обожает охотиться, с урчанием ест сырое мясо, моется языком и беспардонно шипит на собеседника, способно выглядеть настолько возвышенно-прекрасным. Трудно было сказать, где его ночная гостья смотрелась бы лучше, органичнее, естественнее – на ветке в чаще, когтистыми пальцами обдирающей перья с пойманной птички, или же в каком-нибудь храме, в сверкающих одеждах спускающейся к коленам преклонённым жрецам.

Аниаллу ан Бриазллар приближалась к Ирсону той необычайной походкой, которая отличает алаев от всех остальных рас – летящей и вместе с тем плавной; величественной и одновременно крадущейся. Кошка ступала с такой лёгкостью, что её стройное тело, обтянутое чёрной замшей, казалось невесомым, но при этом складывалось впечатление, что перед тем, как сделать шаг, она ощупывает пол перед собой чуткими пальцами ноги. Правда, сейчас, когда её узкие ступни были спрятаны под кожей мягких серых сапог, эта иллюзия танца на тонком льду была не так сильна, как бывало, когда Аниаллу по алайскому обыкновению разгуливала босиком.

Подобно самой наэй Аласаис и всем прочим её Теням, сианай² Алу была синеглазой и черноволосой. Её длинная волнистая грива, свитая в небрежную косу, почти сумела освободиться от стягивавшего её шнура. Пользуясь этим недосмотром, особо своевольные прядки падали на загорелые щёки. Хотя гостья Ирсона, как и положено алайке, была существом чрезвычайно привлекательным, сегодня чем ближе она подходила, тем менее очаровательной казалась танаю. Ещё несколько секунд назад он любовался ею, а теперь... Теперь Ирсон разглядел, что Аниаллу бледна, под глазами у неё залегли тени, губы напряжённо сжаты, она сутулится, да и движения её на самом деле скованные, неловкие, вот и хвост облезлый так и льнёт к ноге, словно хочет спрятаться за неё от чего-то. И вся Алу какая-то нескладная, неказистая. Жалкое зрелище. Подозрительно жалкое...

Резко тряхнув головой, Ирсон сделал шаг назад, нащупал за спиной лодыжку деревянной копии своей гостьи и, прижавшись к ней лопатками, зажмурился. Когда он открыл глаза, Аниаллу настоящая выглядела уже значительно менее уныло.

Она, кажется, не заметила, что произошло с её другом. Не успев поздороваться, Алу вдруг обернулась к двери, чёрные бархатные уши быстро задвигались – кошка прислушивалась к чему-то насторожившему её. Длинный хвост, продетый в специальное отверстие в брюках, обшитое, как и ворот куртки, узором из серебряных нитей, грациозно изгибался, выражая сомнения своей хозяйки. Наконец Аниаллу отвернулась от двери и, пройдя несколько десятков шагов, отделяющих её от стойки, опустилась на высокий стул напротив Ирсона.

– Алу, будь добра, придуши эмоции, ты меня заражаешь, – недовольно пробурчал Ирсон. – Испортила мне всю картинку.

Аниаллу виновато втянула голову в плечи, сложила руки перед лицом и сосредоточенно уставилась на них, впуская и выпуская когти. Дожидаясь, пока она закончит, Ирсон сделал глубокий медленный вдох. Помимо хвои, от Аниаллу пахло фиалками, мандаринами, жареной птицей и еще тем замечательным запахом старой кожи, которым пропитан воздух в хранилищах древних фолиантов. «Была в Ар-Диреллейт³, в библиотеке, потом отобедала,

² Сианай – Тень Аласаис, одна из её ближайших помощниц, призванных выполнять особые поручения наэй. Все Тени внешне чрезвычайно похожи на свою госпожу и созданы лично ею.

³ Ар-Диреллейт – одна из ведущих магических Академий Энхиарга. Особо примечательна тем, что, помимо магов, готовит специалистов в области правозащитной деятельности – от журналистов до юристов. Студентов-волшебников также всячески стимулируют посещать семинары, посвящённые искусству отстаивания прав и свобод разумных существ, защите

пошла в сад и забрела в лес... но десерт себе ловить не стала. Или – стала, но съела его в кошачьей форме», – заключил танай.

– Так лучше? – спросила Аниаллу, опустив руки; голос её был чарующе мягок.

– Да, – поморщился танай. – Хорошо хоть я научился засекать эти твои штучки. Надо бы разок показать тебе, как ты выглядишь со стороны, когда занимаешься самоедством и не глушишь свои чувства.

– Не стоит. Вряд ли это воодушевляющее зрелище, – грустно улыбнулась Алу и, желая сменить тему, спросила: – А что у тебя здесь случилось? Всё вокруг так и звенит от страха.

– Это тебя нужно спросить – что. Твоя статуя вдруг решила до смерти запугать бедного безобидного пьяненького мага. Я и забыл, что она так умеет!

– Умеет, но должна приберегать этот фокус на крайний случай. То-то у меня нос чесался. Ничего себе безобидный маг к тебе зашёл! – присвистнула Аниаллу.

– Ну, не знаю – на вид дурашлëп дурашлëпом, – пожал плечами Ирсон.

– Тогда, видимо, она посчитала, что тебе почему-то выгодно ещё и напугать его. Подумай! – приглашающе подняла брови алайка.

– Разве что... ты в курсе, что Ректор собрался натравить на вас Кошкодава?

– В курсе, конечно. Это глупость какая-то! Все знают, что у Мабрага с нами личные счёты. Даже если бы у него был шанс найти что-то против нас, мы всегда смогли бы сказать, что это «что-то» сфальсифицировано.

– Действительно, глупость... А как там вообще настроения? Ты ведь только что из Канирали?

– Я не *из* Канирали, а *от* Канирали, из Ар-Диреллейт, – улыбнулась Аниаллу. – Она пытается помочь, чем может, но к словам королевы-изгнанницы мало кто станет прислушиваться. Вся её школа сидит на чемоданах. А в Канирали-государстве всё очень скверно. Нашего посла хотели арестовать... в общем – Веиндор удружил, так удружил!

– Ой! Какие мы сегодня с тобой невежливые! Иншетте риссе, Ирсон, – спохватившись, по-танайски поприветствовала друга Алу.

Она перегнулась через стойку, чтобы в своей кошачьей манере потереться щекой о его щёку. И Ирсон в какой уже раз почувствовал досаду.

Когда она была так близко, он различал сотни запахов, которые впитала в себя её одежда. Они так и эдак сплетались в сознании Ирсона, и его воображение осторожно и тщательно выписывало фон на картине под названием «День Аниаллу»: вот она, усевшись на стуле с сиденьем из морской губки, лакомится знаменитыми пирожками Канирали, которая отвлеклась от работы в своей магической лаборатории, чтобы угостить дорогую гостью (рука волшебницы оставила на плече сианай чуть заметный запах теста и кое-каких реактивов); вот, гуляя по саду, Алу задела рукавом куст акации и попыталась счистить пыльцу семянкой тысяченожки, похожей на крохотную щётку; вот... Вот только там, где должны были располагаться голова, шея, руки Аниаллу – в этом зыбком, живом полотне зияли аккуратно прорезанные дыры. Как и все алаи, Алу ан Бриазллар не имела собственного запаха и оттого казалась Ирсону почти невидимкой. Невольно глубоко втягивая ноздрями воздух, он чувствовал себя обворованным, обделённым, словно ребёнок, который, развернув яркий конфетный фантик, обнаружил внутри холодную гальку...

– Да не померкнут твои глаза, *сианай*! – откликнулся он, намеренно потеряв половину её титула.

– Ты уже знаешь? Откуда?

– Да есть у меня один ценный источник, приближённый, так сказать, к телу... Я слышал, ты опять попала в неприятную историю и после этого... хм... – Ирсон помолчал, подбирая подходящее слово и, так и не найдя ничего достаточно ёмкого, полувопросительно закончил: – Уволилась?

– Да, – кивнула Аниаллу, – именно это я и сделала. Терпению моему пришёл конец.

– Ты уверена, что это лучший выход? Всё-таки, тебя *создали* именно для этой работы, – осторожно заметил Ирсон.

– Не всё, что мы создаём, оправдывает наши ожидания. Ты тоже вылил в сток не одну сотню котелков с неудачными зельями.

– «Тоже»? – возмутился Ирсон. – Аниаллу! Тебя никто не «выливал в сток». Это ты сама себя туда отправила. И потом, я – это я, а тебя создал не танай Ирсон, а дружный коллектив из двух мудрых наэй.

– Коллективчик из Владычицы Чувств *кошки* Аласаис и Хозяйки Пути *змеи* Тиалианны, – протянула Аниаллу. Немыслимым образом подогнув большой палец, она протиснула руку в горлышко розовой бутылки и теперь безуспешно пыталась выловить из сиропа скользкий кусочек персика. – Меня вот почему-то совсем не удивляет, что их совместный проект получился чересчур противоречивым.

– Но...

– Я не спорю, – не давая себя перебить, подняла свободную руку Алу, – они испокон веков дружно наводили порядок в Бесконечном, но – по-разному. Аласаис помогала существам понять и принять природу своих душ, выяснить, чего они хотят от жизни, а Тиалианна создавала для них Пути, чтобы они, следуя этой самой природе, пореже сталкивались лбами, чтобы всякое создание нашло своё уникальное место в Бесконечном и дальше мря-мря-мря по тексту. Каждая из наэй делала свою часть работы, не смешивая, как говорится, шерсть с чешуёй. Верно?

– Верно.

– Вот. Они слишком разные. И мы, их дети, тоже. Мы не способны давать общее потомство вовсе не потому, что биологически несовместимы, а оттого, что невозможно будет найти для нашего ребёнка подходящую душу – душу, в которой органично переплелись бы черты танаев и алаев, для которой ни дух Змеи, ни дух Кошки не были бы чуждыми.

Аниаллу всё-таки удалось подцепить когтем персик. Она прикрыла глаза, медленно пережёвывая вожделенную добычу.

– Многое из того, что не встречается в природе, можно создать искусственно, – пожал плечами Ирсон. – Что и было сделано в твоём случае.

– Ирсон, я уже много сотен лет наблюдаю за ходом этого эксперимента по созданию алаетанайки. С максимально близкого расстояния, – облизывая палец, хмыкнула Аниаллу. – И чем дальше, тем отчетливее вижу, что он не удался... и его пора прекратить из соображений гуманности.

– Извини, Алу, но сейчас, когда ты его прекратила, ты всё равно не выглядишь особенно счастливой.

– Разумеется, не выгляжу, – вздохнула Аниаллу, и напускная беззаботность слетела с неё, как пух с одуванчика. – Наши замечательные наэй хоть и приняли на словах моё увольнение, на деле и не думали отпускать меня на волю.

Она грустно усмехнулась и некоторое время молчала, задумчиво теребя кулон на витой цепочке. Длинный кристалл казался изящным сосудом, наполненным светящимся туманом. Он мягко мерцал и переливался всеми оттенками розового и лилового. Такая подвеска стояла больше, чем все «Логово Змея» (а также соседствующие с ним земли и стоящие на них селения Южный и Северный Мост вместе взятые). Изготовленная мастерами из Долины Снов, она позволяла хозяину заглядывать в чужие ночные грёзы.

– Тебе ведь уже донесли, что я сделала... уволившись? – собравшись с силами, спросила Аниаллу.

– Ты, кажется, пошла учиться на волшебницу? – едва удержался от улыбки Ирсон: могущественная Тень Аласаис в роли прилежной студентки – это что-то!

– Да. Я решила, что раз уж я начинаю новую жизнь, не связанную со служением Тиалианне, мне неплохо бы обзавестись дипломом мага. Ну, для конспирации. Вот я и поступила в Ар-Диреллейт.

– Странно, что ты не выбрала Академию Агадара. Тебе их стиль обучения всегда больше нравился.

– М-м-м, – Аниаллу чуть заметно поджала губы, но тут же нашлась с ответом, – начнём с того, что там у меня нет такой шикарной протекции, как в Ар-Диреллейт. Когда обе ректорши твои лучшие подруги, можно, например, за три месяца сдать экзамены за почти тридцатилетний курс обучения. Вообще, это очень интересное ощущение, когда получаешь оценки от своих бывших учениц, – оживилась Алу. – Готовишься, тянешь билеты...

– Ты делала это? – спросил Ирсон таким тоном, каким подвыпившая молодёжь интересовалась у него самого, спят ли танай с неразумными змеями.

– Конечно, делала. И даже один раз наколдовала шпаргалку – неудачно, правда... Я же, Ирсон, затем и приехала – чтобы начать жить обычной жизнью. Но это мне так и не удалось.

– Что тебе помешало? – участливо положил руку на её запястье танай.

– Тиалианна. Она предвидела, что в Ар-Диреллейт я самостоятельно найду себе очередную «жертву», вот и отпустила меня... с лёгким сердцем.

– И тышла?

– А как же. Канирала собралась отчислять некую Дани из Дарларона. Я заинтересовалась... У даорки⁴ Дани действительно почти не было способностей к магии. Зато, как выяснилось, был потрясающий, критический, въедливый ум и редкостная невосприимчивость ко всякого рода внушениям. Семья насильно запихала её в Ар-Диреллейт, причём не столько из желания сделать из неё колдунью, сколько в воспитательных целях. Они надеялись, что тамошняя благостная атмосфера сделает их чересчур подозрительную и саркастичную дочь более отзывчивой, чуткой и... доброй, наверное. Но этого, разумеется, не случилось. Ар-Диреллейт отторгал Дани, она была чужда ему по духу, её способности и душевные качества не были в нём востребованы. А я вот пришла в восторг от трезвости её ума, которую окружающие почему-то так мало ценили. (Действительно, почему бы это?..) Мне вспомнилось одно место, где к Дани, возможно, отнеслись бы совсем иначе. Я стала убеждать её отправиться в Анлимор – в Храм Богатства на факультет борьбы с мошенничеством. Она упиралась, видимо, в моих словах ей тоже чудился какой-то подвох, но я так горела желанием помочь ей, что она уступила. Я устроила ей встречу с деканом. – Алу усмехнулась. – После двух часов беседы на повышенных тонах декан вылетел из кабинета как ошпаренный и... буквально с руками оторвал её у Канирала. Вот, собственно, и вся история. Дани встала на свой Путь, у неё появилось любимое дело, занимаясь которым она не только будет счастлива сама, но и принесёт пользу Бесконечному.

– Бесконечный стал интересоваться финансами? – иронично поднял бровь Ирсон.

– Бесконечный интересуется тем, чтобы у каждого живущего в нём существа была возможность идти своим Путём, реализовать свой потенциал, – серьёзно ответила Аниаллу. – А когда кто-то обобрал тебя до нитки и твоей семье стало нечего есть, тебе уже не до самовыражения. Если ты не совсем уж сухарь, конечно. Многие существа и вовсе кончают с

⁴ Даоры – «дети Тьмы», обитатели Дарларона. В массе своей даоры милосердны, честны, чрезвычайно щедры, однако отличаются болезненной гордостью (в частности тотальным неумением принимать помощь) и склонны впадать в меланхолию. Покровителем их является Дарион, энхиаргский бог Тьмы. Ввиду отсутствия своего назй даоры постоянно находятся под угрозой уничтожения со стороны Элаана.

собой... Нет, я не спорю, некоторых полезно разок оставить без штанов, чтобы у них мозги на место встали, но таких единицы. Видимо, моей Дани предстоит предотвратить какую-то грандиозную аферу. Сотни существ благодаря ей спасутся от разорения, – без энтузиазма в голосе проговорила алайка.

– Но тебе от этого не легче.

– Легче, но не намного. Стоило мне пристроить её, как я поняла, что со мной снова случилось *это*. Не я захотела ей помочь найти это самое своё место, а Тиалианна...

– Да какая же разница, Алу?!

– Огромная... Ирсон, вот ты когда-нибудь слышал такое слово – «приворот»? – вдруг спросила Аниаллу.

– Конечно, – поморщился танай. – От моих гостей и не того наслушаешься. Это когда кто-нибудь пытается с помощью магии заставить кого-то влюбиться в себя, так?

– Да. Жертва заклинания проникается к сотворившему его горячей симпатией. Она перестаёт замечать его недостатки, находит в нём тьму достоинств и делает всё, чтобы он был счастлив. Но стоит этой жертве каким-то образом освободиться от заклинания, как она начинает ненавидеть своего «возлюбленного», она его растерзать готова, хотя вчера ещё была абсолютно счастлива. Потому что невозможно простить подобное насилие над собственной душой, над собственными чувствами. Ничего не напоминает?

– Фу, Аниаллу!

– Вот именно – «фу». И это «фу» происходит со мной раз за разом. В мою духовную оболочку внедрена инородная частица – чуждого духа, чужой воли. Время от времени, по велению Тиалианны, он подчиняет меня себе, заставляет смотреть на мир глазами танайки и опрометью бросаться кому-то на помощь. В тот момент, когда я делаю это, когда продумываю, планирую и осуществляю попытку вызволения того или иного существа из мешающих ему встать на его Путь условий, я испытываю истинное наслаждение. Но потом, потом голос Тиалианны в моём сознании замолкает, и я снова начинаю смотреть на мир своими собственными, алайскими, глазами. Да! Я ведь не танайская жрица, которая отлично чувствует себя среди всяческих предназначений с предзнаменованиями, и вся жизнь которой – это служение. Она бы, наверное, легко всё это стерпела. Но я-то, я – эгоистичная, свободлюбивая и – как там ещё про нас говорят? – самовлюблённая дочь Аласаис! Ты представляешь, что такое для кошки, когда её заставляют буквально влюбиться в совершенно чуждое ей существо? Сказать, что это надругательство, насилие, что это невыносимо – значит ничего не сказать. Ужасно осознать, что ты только что готова была вывернуться наизнанку ради самодовольной, бесчувственной девчонки, которой плевать на чужие беды. Не ради той пользы, которую эта Дани может принести Бесконечному – ради неё самой!

По щекам Аниаллу потекли слёзы; Ирсон нашарил под стойкой носовой платок, припасённый как раз для такого случая, и протянул его подруге.

– Извини, Алу, но я всё равно не очень улавливаю различие. Ты ведь признаёшь, что ей надо помочь, так?

– Конечно. Я не бестолочь какая-нибудь, чтобы не понимать, насколько все, живущие в Бесконечном, связаны между собой; что, помогая существу, каким бы чуждым и неприятным оно нам ни казалось, встать на его Путь, мы преображаем, гармонизируем мир вокруг себя, и в конечном итоге наша собственная жизнь становится лучше. И я совсем не против заниматься этим. Но спокойно, осознанно, понимая, что и почему я сейчас делаю, а не так... очертя голову, забывая себя. Это суррогат какой-то. На самом деле я никогда не смогла бы полюбить большинство из них, а они – меня. Многие даже «спасибо» не скажут...

– Аниаллу, ждать благодарности в подобных случаях... – начал было Ирсон, но алайка резко перебила его. – Да не нужна мне их благодарность! Меня злит то, что я не могу посту-

пать иначе. Я не против помочь этой Дани и другим тоже. Я против того, чтобы меня влюбливали в них.

– В этой «влюблённости» наверняка есть смысл.

– Да, конечно. Мне не раз говорили, что некоторым существам невозможно помочь найти себя и свой Путь... традиционными – чисто алайскими или чисто танайскими – методами. По разным причинам. Для этих случаев и были созданы мы с Эталианной – *тал* сиянай, Тени Аласаис на службе у Тиалианны.

– Вот видишь...

– Что я вижу? Да, Ирсон, я понимаю, для чего мы нужны. Но что мне с этого?

– Подожди. Давай разберёмся. В чём такая уж принципиальная разница между вашим и нашим подходом? Ведь ты не будешь отрицать, что и вы, все из себя эгоистичные кошки, помогая существам найти себя, тоже служите Бесконечному?

– Не буду.

– Вы вдохновляете существ, помогаете им перестать шарахаться от особенностей собственных душ. Как это там у вас написано про скитания вашей обожаемой Аласаис?... «Она всегда очень тонко чувствовала дисгармонию во всём, будь то косо висящая штора или же чья-то идущая наперекосяк жизнь. И она не могла не заметить, что множество существ в Бесконечном не живёт в гармонии с собственными душами: стесняется, презирует, боится себя. Один кажется себе недостаточно красноречивым и привлекательным, чтобы достичь успеха хоть в каком-нибудь деле; другая считает позором, что ей нравится жить тихой жизнью, печь пирожные и нянчить детей, а не заниматься – как все в её роду – колдовством; а третий, напротив, стыдится своего магического дара, своей страсти к волшебству, так как местная религия объявила это богопротивным». Можешь продолжить?

– Могу, конечно, но какой в этом...

– Продолжи, пожалуйста, а там посмотрим, – лукаво улыбнулся Ирсон.

– «Аласаис наслаждалась тем, что могла помочь душам таких существ – словно запертым в клетки сомнений, боязни обмануть ожидания окружающих, ужаса перед некоей высшей карой – вырваться на свободу. Аласаис не наставляла их на путь истинный, а давала возможность остановиться, передохнуть и внимательно посмотреть на себя, *в себя*, и решить, что *для них самих* более ценно: заветы божества и традиции предков или же нечто совершенно иное. Она мурлыкала им о жизнях, которые они могли бы прожить, о местах, которые, возможно, могли бы стать их настоящим домом – обо всех тех богатствах, что рассыпал перед ними «бесконечный Бесконечный», в коем, как известно, «для всех и всего найдётся место». Она шептала о том, насколько разные существа его населяют, каким разным делам посвящают они свои жизни, как непохожи друг на друга их мировоззрения... Она настаивала, что право на жизнь в согласии со своей душой, на собственный взгляд на вещи, на собственный дух, наконец, – есть священное право каждого создания, и попытки лишить его этого права – преступление перед Бесконечным», – с чувством закончила Аниаллу; слёзы её просохли, глаза так и сверкали от воодушевления.

– Разве это не прекрасно? – мягко спросил Ирсон.

– Это прекрасно, без всякого сомнения, – болезненно поморщилась Алу. – Это – да. Но в этом чудесном отрывочке ничего не сказано о том, что Аласаис раз за разом выжимала себя, как лимон, чтобы очередной Избранный мог прополоскать себе горлышко и не кашлянул лишний раз! – Её голос почти сорвался на крик. – Извини, извини, я злобная старая кошка... Но уж какая есть.

– Ты говорила про Аласаис.

– Да. Аласаис не насильовала свою природу. Она не пыталась заставить себя любить всех, кто оказывался с ней рядом. Она говорила существам – да, многие тебя не любят, я

тоже могу тебя не любить, но в Бесконечном обязательно найдутся те, кто полюбит. Как бы я ни относилась к тебе, это не должно отнимать у тебя право быть собой.

– А разве мы, танай, делаем не то же самое?

– Нет. Всё это очень близко, но наши побуждения и... методы воздействия несколько иные. Для вас важнее всего гармония в Бесконечном, в любви к нему вы, я имею в виду танаев-жрецов, доходите до полного самоотречения и находите в этом источник наслаждения, нам, алаям, увы, недоступный. Я без иронии говорю, Ирсон. Без малейшей. В каждом существе вы в первую очередь видите частицу своего обожаемого Бесконечного, и потому все существа в ваших глазах в равной степени достойны любви и помощи. И вы любите их искренне и глубоко и с радостью помогаете им преодолеть жизненные невзгоды.

– Разве это плохо?

– Нет. Просто мы, алай, так не умеем. Наши души имеют другую природу. Мы – существа весьма и весьма пристрастные. Мы со всеми ладим, это факт, но это отнюдь не значит, что мы всех любим. Даже наши лекари душ⁵, которые со стороны так похожи на вас, никогда не разыгрывают спектаклей в духе «как я обожаю всех моих клиентов». Нет, хотя слов осуждения ты от них не услышишь и помогать тебе, каким бы ты ни был, они вряд ли откажутся. Но то лекари. Для большинства же из нас помогать тем, кто нам не нравится, – страшное насилие над собой. Это за свою духовную родню мы пойдём в огонь и воду, но не за чуждых нам созданий. И я – явно из числа этого самого большинства.

– Алу, мне кажется, ты наговариваешь на себя и свою расу. Одним своим присутствием вы настолько благотворно влияете на окружающих...

– Вот именно – одним своим присутствием. Мы ничего не делаем специально. Мы не бегаем ни за кем с волшебным зеркалом, уговаривая посмотреть в глаза своей душе. У нас просто... спины зеркальные, и каждый, в ком созрело желание увидеть настоящего себя, может подойти и поглядеться. А мы в это время будем жить своей жизнью. О да! В умении жить своей жизнью – нам нет равных. И в этом наша главная ценность – мы, сами того не желая, избавляем существ от страхов перед миром и качествами их собственных душ, заражаем окружающих своей неуёмной жаждой жить – познавать, творить, наслаждаться, не боясь трудностей, не позволяя ничему, кроме собственной совести, вставать у себя на пути.

– Но тем, к кому Аласаис и Тиана посылают тебя, этого мало.

– Да. Чтобы сдвинуться с мёртвой точки, им нужен гибрид. Танаеалайка. Или алаетанайка – один пёс. Та, что будет отчётливо видеть их Путь и любить их с танайским самоотречением, но при этом будет видеть в них *их самих*, во всём многообразии черт их натуры, а не просто... порядком обезличенную частицу Бесконечного, по определению достойную любви.

– Всё это действительно нелегко. Но ты особенная, ты – тал сианай Аниаллу, ты создана для этого и ты справишься. Тебе нужно только начать хоть немного ценить то, что ты делаешь.

– Я ценю... – пробормотала Алу.

– Единственное, в чём, как мне кажется, ошиблись наши наэй, создавая тебя, так это в том, что они дали тебе тело чистокровной алайки. Думаю, во многом из-за него ты пытаешься подойти к себе и ко всему, что с тобой происходит, с алайской меркой и часто разочаровываешься. Твоё окружение тоже чисто алайское, и оно постоянно подливает масла в огонь, отрицая, что твоя душа по природе своей танаеалайская, что существование такой души в принципе возможно. Всё это не даёт тебе почувствовать, что, несомненно, не только в твоём духе, но и в твоей душе есть частица мудрой, благородной Змеи.

⁵ Лекари душ – энхиаргский аналог психологов; обучены в числе прочего выявлять различные чужеродные магические (телепатические) воздействия на разум клиента и устранять их.

– Ты так уверенно говоришь... Ты *видишь* это?

– Нет. Ты же знаешь, я не силен в таких штуках. Но у меня перед глазами есть живой пример – твоя сестрица Эталианна, тоже тал сианай и при этом вполне довольная жизнью. Если бы дух Змеи был чужд её душе, она вряд ли бы имела такой цветущий вид, верно?

– Не знаю, Ирсон. Мне кажется, что, хотя так и не должно быть, наши с ней души очень разные. Голос Тиалианны, звучащий в её сознании, никогда не замолкает. Да и её «влюблённость» в своих подопечных имеет иную, более танайскую, природу. Эталианна – она скорее танайка, чем алайка, вот дух Змеи и прижился в её душе. Кажется, всё алайское в ней существует лишь для того, чтобы помогать ей лучше выполнять работу: воодушевлять существ и так далее. Но со мной всё не так. Я всё-таки кошка. И мне, уж извини, Ирсон, от духа Змеи толку в хозяйстве мало. Я бы с удовольствием избавилась от него.

– Отказываться от части себя – это не выход, Алу, – настаивал на своём Ирсон. – Пусть Тиалианна и не позволяет тебе оставаться «чистокровной алайкой» во время исполнения очередной миссии, пусть даже твои страдания являются частью этой работы. Но ничто не мешает тебе наверстать упущенное в перерывах между заданиями. Тебе просто нужно научиться быстро скидывать змеиную шкурку и становиться кошкой.

– Я бы рада, Ирс, но они не хотят жить мирно. Дух Змеи душит мой дух Кошки...

– А я думаю, что, если бы кое-кто не накручивал тебя постоянно, всё устроилось бы наилучшим образом. Ты смогла бы успокоиться, посмотреть на ситуацию трезво и найти... противовес – отыскать в жизни что-нибудь настолько интересное твоей алайской половине, что оно не позволило бы танайской части слишком часто брать верх, нарушать баланс в твоей душе.

– Для этого я и пошла в Ар-Диреллейт... Но даже там мне не удалось спрятаться от эльфов⁶ и неприятностей. Ладно, Ирсон, – Алу вдруг шлёпнула по столу замшевыми перчатками и прыгнула с табурета, – мне надо уходить. Спасибо за добрые слова.

Она сняла с шеи цепочку с драгоценным кулоном и, мимолётно улыбнувшись, бросила её в стакан Ирсона. Растерявшийся танай молча смотрел, как длинная цепочка медленно оседает на дно бокала сквозь вязкую жидкость напитка. Наконец он поднял глаза и, увидев, что Аниаллу уже успела бесшумно дойти до двери, громко крикнул ей: «Почему?»

– Потому что ты единственный, кто понимает, что и мне может быть плохо, что я кошка, которая умеет плакать. Надеюсь, он тебе пригодится, – ответила Аниаллу и скрылась за дверью.

⁶ Думаю, нелишне будет сказать здесь пару слов о скверной привычке энхиаргцев объединять под одним названием существ самых разных рас, исходя только из относительного внешнего сходства. Они могут назвать «ящером» и карга, и жителя Лар'эрт'эмори, и какого-нибудь двуногого псевдодракона – лишь бы чешуя была в наличии. В «люди» записывают всех человекообразных, в «эльфы» – хм... тоже человекообразных, но обладающих более лёгким, удлинённым костяком. Вот интересно – тот, кто первым назвал и элаанца, и даора, и налара «эльфами» (светлыми, тёмными и водными соответственно), хоть раз видел всех этих ребят в разрезе? Наверное, нет, иначе язык поганый не повернулся бы!

2. Кошка на дереве

*Живёт как кот в Бриазлларе!
Энхиаргская поговорка*

Аниаллу и сама не до конца понимала, почему так поспешно сбежала из «Логова Змея». Как и всегда, после разговора с Ирсоном ей стало заметно легче. Но на этот раз всё было... как-то иначе. Обычно целительное действие на её душевные раны оказывали слова таная, но сегодня сил ей придала собственная настойчивость, та твёрдость, с которой она отстаивала своё право быть кошкой Аласаис. И Алу было страшно упустить это, с таким трудом ухваченное за хвост, состояние души.

Её внутренние Змея и Кошка воевали уже целую вечность, но ни та ни другая не могли одержать победу. Обе они страдали в этой битве, слабели от неё, а значит – лишалась сил и покоя сама сианай. Это не давало ей возможности остановиться и хорошенько обдумать, как выбраться из мучительной ситуации. Она чувствовала – нужно затаиться, выждать и за это время, обдумав всё с предельной холодностью, найти способ побороть навязанное ей второе «я».

Идея насчёт «противовеса», которую высказал сегодня Ирсон, пришла Аниаллу в голову уже довольно давно. Вот только в её интерпретации «противовес» превращался в «якорь». Ей было мало просто уравновесить влияние Кошки и Змеи на свою жизнь, свою душу. Она задалась целью вовсе избавиться от последней, прочно закрепившись в своей «алайской бухте».

Аниаллу надеялась, что диреллейтский диплом позволит ей найти работу, никак не связанную с её титулом. Наконец-то у неё будет занятие, которое увлечёт её до такой степени, что она забудет обо всём, кроме поставленной цели. Цели, которую она *выберет себе сама*, которая будет *интересна ей лично*. Надежда Алу оправдалась – первое же задание, предложенное ей после выпуска, полностью соответствовало её намерениям. Во-первых, новым местом работы Аниаллу должно было стать заброшенное подземелье, где ей при всём желании будет некого спасать, соответственно, не грозит и пробуждение Змеи. А во-вторых, поиски ответа на одну из самых таинственных загадок прошлого манили любопытную кошку, как аромат кошачьей мяты.

В общем, Алу четырьмя лапами вцепилась в удачную вакансию и собиралась выехать еще до света, но неожиданно случилась неприятность. Она глупо разминулась со своим куратором из Академии Агадара, который должен был передать ей несколько магических предметов, способных заметно облегчить исследования. Прикинув, что не знающий, куда она направилась, волшебник, скорее всего, вернётся в свои покои в здании Академии, Аниаллу решила отыскать его там.

Ночь была слишком чудесной, чтобы лишать себя возможности полетать под звёздами, и Алу, пренебрегая телепортацией, отправилась в Академию по воздуху. Алаи никогда не были сильны в левитации, поэтому Аниаллу давно обзавелась летающей доской, одной из тех, на которых ещё в прошлом тысячелетии помешался весь Линдорг. Она называлась «глимлай» и могла развить такую скорость, что иногда приходилось обращаться к магии, чтобы удержаться на ней.

К счастью, сейчас этого не требовалось: расстояние от «Логова» до Академии было не так уж велико. Аниаллу летела на северо-восток, наслаждаясь приятной ночной прохладой и умиротворяющей прелестью простирающихся под ней лугов Зелёной равнины. Бескрайнее дремлющее море высокой травы лишь изредка расступалось, обтекая поля, плодовые рощи и маленькие деревеньки. Тёмные четырёхугольники влажной вспаханной земли казались

провалами в какие-то неведомые бездны, затянутыми толстой, полупрозрачной паутиной оросительной сети. Пластинками слюды вспыхивали стеклянные крыши, фасетчатые глаза куполов беседок и оранжерей. По воде прудов и бассейнов дрожащими золотыми дорожками протянулись отражения высоких окон.

Сверкнул огнями Анлимор – торговая столица Энхиарга, город, построенный на берегу озера Упавших Звёзд. Воды его то тут, то там прорезали колеблющиеся бирюзовые лучи, идущие откуда-то из глубин, словно там действительно покоились сотни покинувших небеса светил – это сквозь тёмную поверхность озера сияли огни расположенного на его дне города наларов – водных эльфов.

Наконец впереди выросла, похожая на челюсть, чёрная цепь Мёртвых гор. Она опоясывала Адоранскую пустыню – одно из самых таинственных и опасных мест Энхиарга. Никто из дерзнувших сунуть нос в эти страшные земли – будь то члены научной экспедиции или стайка любопытных олухов, – так и не вернулся назад.

Аниаллу стала забирать чуть правее, огибая горы с южной стороны.

Её тело продолжало удерживать равновесие на глимлае, направляя его в нужную сторону, но разум впал в какую-то блаженную дрему. Пролетая над Анлимором, она не могла не вспомнить о Дани, но воспоминание это, словно обрывок полузабытого сновидения, проплыло где-то на заднем плане её сознания, не вызвав ровным счётом никаких эмоций...

Вдруг по глазам Аниаллу резануло ярким светом – глубокая ночь разом превратилась в солнечный день. Сианай зажмурилась, развернула глимлай и летела вслепую до тех пор, пока ночь снова не вступила в свои права. Остановившись, Алу недоуменно поскребла себя за ухом: она и не заметила, что подлетела так близко к Элаану – землям Света. Тамошнее нестерпимо яркое рукотворное светило лишь ненадолго исчезало с небосвода, а иногда – как, видимо, сегодня – не заходило вовсе. Чтобы их «погрязшие во тьме» соседи не страдали от его слепящих лучей, элаанцы были вынуждены окружить свою страну особой иллюзорной завесой, под которую, сама того не желая, только что нырнула Аниаллу.

Теперь она старалась держаться поближе к горам и вскоре увидела впереди стены Академии Агадара.

Это было высокое, окружённое обширным садом здание, возведенное из полупрозрачного камня разных оттенков жжёного сахара. Оно состояло из десятков башен разной высоты, похожих на закруглённые, сплавленные между собой сталагмиты. Из застывшей патоки их неровных стен выныривали торсы многоруких изваяний, поддерживающих массивные гранитные балконы и галереи, карнизы и подоконники. С пучеглазых лиц свисали длинные хоботы, заканчивающиеся гроздьями живых светильников. Замок так и лучился магической энергией, хорошо видимой для алайских глаз Аниаллу. Она подлетела к одной из башен и заглянула в знакомое окно, но, к её разочарованию, освещённая единственной свечой комната, до неприличия захламлённая всевозможными атрибутами волшебства, была пуста. Маг не ждал её дома. Быть может, он и отправился на её поиски, но, представив себе перспективу обегать все часто посещаемые ею места (где, впрочем, они опять могли легко разминуться), Алу рассудила, что лучше обойдётся своими силами. Она сожалела лишь о том, что осталась без особого приспособления, предназначенного для быстрой расшифровки текстов.

Окинув на прощанье взглядом стены Академии, Алу заметила, что по ним ползали сотни забавных существ – шестилапых, с радужными крыльями, похожих на помесь стрекозы, змеи и большеглазого лори. Алайка потянулась погладить одно из них, но от пепельной чешуи в палец ей ударила крупная искра. Сианай сунула палец в рот и улыбнулась. Завтра профессор Агадар попросит студентов какого-нибудь курса помочь ему переловить этих «непонятно откуда взявшихся на его лысую голову» тварюшек. А к вечеру большая часть этих добровольных помощников узнает, что сдала полугодовой экзамен. Почтенный Агадар

как мог берёг нервы своих студентов (за исключением тех, кто обучался на курсе наступательной магии – этим доставалось регулярно). Аниаллу ласково провела ладонью по карамельным камням. Ирсон был прав – ей ужасно нравился местный стиль обучения. Но того, что больше всего нравилось ей в Академии Агадара, здесь уже не было. И вспоминать об этом не хотелось.

Аниаллу вздохнула и, отлетев от стены, открыла портал в Бриазллар. Добираться до города алаев, парящего высоко в небе над самым сердцем Энхиарга, на глимлае было слишком долго. Да и настроение было уже не то.

* * *

Через секунду Аниаллу оказалась в Бриазлларе. Видимо, мощная магия, пронизывающая город, исказила её заклятье, и сианай попала совсем не туда, куда хотела. Портал выбросил её над Гостевым районом, причём выбросил опасно низко над домами. В ноздри Алу ударил запах ржавчины, такой сильный, какого не учуешь в обычной жизни, сколько ни води носом по какой-нибудь полуистлевшей железке, – пахло знаменитыми илтейскими вафлями. Аниаллу поморщилась и, вильнув в сторону, поспешила вылететь из столба охристого дыма, стоявшего над решёткой на плоской крыше пекарни.

Мысленно пообещав себе на этот раз написать-таки жалобу на мазабров⁷, в обязанности которых входило следить за безопасностью пространственных перемещений, сианай полетела над Прихожей – главной улицей Гостевого района. Как и пол в большинстве обычных прихожих, её брусчатку устилала пёстрая ковровая дорожка – самая длинная во всём Энхиарге. Она состояла из сотен разношерстных сегментов, на каждом из которых красовался собственный узор. Тысячелетия назад первую её половину соткали члены новосозданного Совета Дорогих Гостей, компании помещанных на Бриазлларе – «обалаившихся» – неалаев, взявших на себя бремя управления его Гостевым и Посольским районами. Шутили, что всё гостеприимство Совета на неё и вышло: настолько нетерпимы они были к любому проявлению неуважения к их обожаемому городу. За долгие века Большой Половик значительно подрос – каждый неалай, сумевший получить гражданство Бриазллара, в придачу получал и почётное право надставить дорожку в его прихожей.

По обеим сторонам улицы у подсвеченных витрин толпились представители сотен рас. Они ползали, прыгали, перелетали, перетекали, перекачивались из одного магазина в другой, изумлённо таращились на особенно диковинных гостей города, опасливо косились на то и дело мелькавших в толпе иномировых тварей, назвать которых иначе как чудищами не поворачивался язык. У группки человекообразных созданий – неуклюжих, морщащихся, то и дело спотыкающихся, на запястьях или в мочках ушей болтались серебристые бирки «Проката тел». Эта контора предоставляла более-менее пригодные для жизни в Бриазлларе «тушки» тем, чьи собственные оболочки по той или иной причине для этого не подходили.

Некоторые особенно роскошно одетые существа имели чрезвычайно недовольный вид. Оно и понятно: будучи у себя на родине правителями, могущественными чародеями или даже мелкими божествами, перед которыми расступалось всё и вся, здесь, оказавшись среди множества равных себе, они были вынуждены умерить спесь. Более того, не только другие покупатели, но и «презренные торговцы» не спешили лебезить перед ними. То, что местные обитатели с равным уважением относились к талантливому колдуну и к не менее одарённому искусствоведа (и требовали того же от гостей своего города), казалось этим высокомерным господам и дамам разновидностью слабоумия.

⁷ Мазабры – сотрудники службы Магической Защиты Бриазллара.

Но таких, к счастью, было немного, они держались торговых улиц и в Бриазлларе не засиживались. Большинство существ манило сюда желание приобщиться к духу *Кошачести*, ощутить на себе влияние этой животворной силы, пробуждающей чувства, мысли, стремление выразить себя, смыслюющей с души всё наносное... Конечно, немало было и таких, кому хотелось просто полюбоваться городом, где каждая стена, каждый камень мостовой, каждый фонарь и каждая, простите, урна были превращены в произведение искусства, и вкусить всех тех удовольствий, которые он мог предложить.

Аниаллу прислушалась: разумеется, основной темой разговоров было похищение алайских телепатов Веиндором. Однако большая часть встреченных ей горожан пока не воспринимала случившееся всерьез. «Недоразумение... Да Веиндору просто там скучно одному – его серебряные драконы даже чувствовать ничего не способны, не то что говорить... Вот и хорошо, такой шанс раз и навсегда доказать, что мы – я алаев имею в виду – чисты, а то все эти гнусные подозрения...», – доносились до ушей алайки обрывки разговоров. Впрочем, не все были настроены настолько благодушно. Из открытого окна кондитерской на Вздыбившейся улице торговали тушками крылатых серебряных ящерниц, насаженными на деревянные спицы. И, надо сказать, новое лакомство пользовалось большим спросом...

Несколько успокоенная, Аниаллу поднялась повыше и свернула с Прихожей. Глядя на лежащий внизу город, она вспоминала, как в минувшие дни они с «сестрицей» Эталианной, взявшись за руки, как маленькие девочки, часами бродили по Бриазллари, слушали уличных музыкантов, воровато запускали пальцы в иномировые специи, гладили котов (и алаев, пожелавших таковыми прикинуться), лакали душистую воду из фонтанов (Тали однажды два часа с вытянутым языком пролежала на каменном бортике одного из них, вняв мольбам какого-то художника).

Любопытная, жизнерадостная Эталианна беззастенчиво заглядывала в чужие окна и дворики. И их обитателей это, надо сказать, только радовало. Тали всё время чем-то угощали, заманивали на семейные торжества, приглашали принять участие в каких-то обрядах. Завидев её, дети со всех ног уносились вглубь дома, чтобы через несколько секунд, запыхавшись, с гордостью приложить к окну свои рисунки. Эти неалаи не преследовали какой-то корыстной цели – они уже нашли в Бриазлларе всё, чего душа желала, и видели в Эталианне одну из тех, кто вдохнул в город его неподражаемый дух.

Тали относилась к этому как к должному, а вот Аниаллу... Аниаллу было стыдно принимать знаки внимания восторженных горожан, словно она обманывала их, выдавая себя за другую, присваивая себе чужие заслуги. В эти моменты она особенно остро ощущала оторванность от своего народа, от Бриазллара, для которого она ровным счётом ничего не сделала за всю свою долгую жизнь. Чувствуя себя эдакой поддельной Тенью Аласаис, она будто подсматривала за жизнью города, как ребёнок из Хелраада (где волшебство под запретом), тайком, искоса любителю искрящейся витриной магической лавки. Она страстно желала приобщиться к ней, но ощущала себя недостойной.

Постепенно, не в силах справиться с этим ощущением, Аниаллу стала избегать прогулок с Эталианной, предпочитая менее «людные» места, благо тихих уголков в Бриазлларе было великое множество: аллеи и набережные, крыши домов иностранцев, ведущих дневной образ жизни, и, наконец, построенные именно для уединения и тихих раздумий павильоны, беседки, смотровые площадки и храмы. Бриазллари был огромен. В нём могло бы без труда уместиться население, в десять раз превышающее сегодняшнее, потому толчея царил только в Гостевом районе и то лишь на нескольких торговых улицах.

Ещё в те давние времена Аниаллу облюбовала укромное местечко на уступчатой крыше чьего-то четырёхэтажного особняка. Вид на Посольский район, открывавшийся с неё, нельзя было назвать самым лучшим, но он был удивительно умиротворяющим. Сианай

никогда не видела хозяев дома, однако они прекрасно знали о её визитах – иначе откуда было взяться груде синих замшевых подушек, на третий день появившихся возле трубы, служившей ей чем-то вроде спинки дивана?

Перед ней лежало озеро Зрачок – длинное и узкое. В его чёрной воде тонули отсветы множества окон – круглых, овальных, треугольных, как голова сёмги, которыми вглядывались в чернильную глубину невысокие дома наларского квартала. Тусклым блеском рыбьей чешуи отливала гладь прорезающих низкие берега каналов и полупрозрачные черепицы крыш. Растения в обнесённых стеклянными стенами садах казались водорослями, сонно покачивающимися в аквариумах с кристально чистой водой. Свет магических огней, рассеиваясь в насыщенном влагой воздухе, разноцветными облаками висел над головами разряженных, словно диковинные морские коньки, наларов, чинно ужинающих на своих бирюзовых, розовых, пурпурных лужайках.

Глядя на эти раскрашенные нездешней природой травы, Аниаллу подумала, что тот, кто назвал Бриаэллар одним из самых зелёных городов Бесконечного, был довольно далёк от реальности. Местные обитатели, бесспорно, питали страсть к палисадникам, клумбам, висячим садам и паркам, каждую стену они так и норовили увить чем-нибудь ползучим позкзотичнее, а каждую улицу – превратить в аллею, но *зелени* как таковой в городе было не слишком много. Здесь, в районе наларского посольства, господствовали оттенки подводного царства, а дальше, за ним, где тёмной, ступенчатой громадой высилось здание четырёх Академий Бриаэллара, купы деревьев на газонах, живые изгороди и маленькие рощицы, окружающие открытые павильоны и беседки, мягко сияли золотом и медью.

Аниаллу откинулась на подушки. Ей казалось, что она тает в этой тёплой бриаэлларской ночи, упивается ею, словно объятиями того, чьей любви она добивалась так долго, что уже утратила надежду, но вдруг услышала ответное, полное нежности признание... Она тихонько замурлыкала. Тело её расслабилось, взгляд заблудился среди памятников знаменитым рыбакам, установленных на маленькой площади возле моста Чихающих Котов. Прохожих было мало, но то тут, то там дрогнувшая тень, движение ветки, всплеск воды выдавали чьё-то присутствие. Как и Алу, город вокруг не спал, он дремал, готовый мгновенно пробудиться, стоит случиться чему-то интересному... или подозрительному.

* * *

Аниаллу вскочила на ноги и тихо зашипела: внезапно она почувствовала сильный страх одной из своих соплеменниц. С минуту уши её двигались, веки полузакрытых глаз дрожали, затем, издав угрожающий рык, она вспрыгнула на глимлай и, пригнувшись, со свистом рассекая воздух, помчалась над домами и улицами, внимательно вглядываясь в город под собой.

Наконец Алу нашла то, что искала. На дереве, росшем за одним из ресторанчиков посреди небольшого сквера, сидела кошка. Младшая сестра была чем-то испугана. Испугана так сильно, что подлетевшей к ней Аниаллу пришлось потрудиться, отцепляя коготки её судорожно вцепившихся в ветку лапок. Алайка мысленно заговорила с кошкой, пытаясь успокоить её, объяснить, что она уже в безопасности. Бедное животное прижалось к груди сианай и дрожало не переставая. Образы метались в маленькой кошачьей голове с такой бешеной скоростью, что Алу никак не удавалось выхватить из этого водоворота отражение обидчика.

Рядом с деревом стояли двое детей: совсем маленький мальчик и девочка лет десяти, наверное, его сестра. Когда Алу подлетала к дереву, она слышала, как ласково дети уговаривали кошку спуститься, и было не похоже, чтобы они же и загнали её туда.

– Кто её так напугал? – громче, чем ей хотелось бы, спросила сианай.

- Собака, госпожа, – ответил ей мальчик, одёргивая вышитую жилетку.
- Нет, чёрная здоровенная тварь, похожая на собаку, – поправила брата старшая сестра, приобняв его за щуплые плечи. Она с восхищением смотрела на парящую над землёй алайку.
- Вы не видели, куда она делась?
- Наш дядя прогнал её, она убежала туда, под тёмную арку. Там плохое место, и нам не велят ходить туда.
- Взрослые тоже туда не ходят, – добавила девочка, поёжившись от одного взгляда в сторону арки.
- Спасибо вам обоим, – сказала Аниаллу и собралась было влететь в чернеющий между домами проход, но внезапно детская рука коснулась её щиколотки. Алайка обернулась и вопросительно взглянула на девочку.
- Можно, мы возьмём её к себе? – спросила та, глядя на кошку, которую всё ещё держала на руках Алу.
- Ей у нас понравится, – заверил её брат. – Она будет спать у камина.
- И мы будем оставлять ей самые вкусные кусочки! – пообещала девочка, умоляюще глядя на Аниаллу.
- Конечно, можно, – Алу наклонилась и осторожно передала кошку девочке. Та взяла её, как настоящую драгоценность, и бережно прижала к груди.

* * *

Пролетев под аркой, которая на деле оказалась довольно длинным коридором, Аниаллу поняла, почему дети так боялись этого места, да и взрослые предпочитали обходить его стороной. На саму арку и небольшой дворик за ней было наложено заклятие, призванное внушать страх каждому, кому случится забрести сюда. Здесь поработал очень искусный волшебник: мало кто смог бы понять, что охвативший его ужас – это следствие воздействия магии, а не просто неожиданно всплывшие из подсознания детские страхи перед темнотой, например.

– Как иногда полезно не иметь детства! – мысленно хмыкнула Аниаллу и недовольно потёрла запястьем нос: воздух вокруг был буквально пропитан густым, дурманящим ароматом благовоний.

Застоявшийся, влажный, он заползал в ноздри склизкими щекочущими змейками. Алу стоило огромного труда не чихнуть. Она вроде бы узнала запах: кажется, так пахли травы, которые воскуривали перед идолами своего кровожадного, олицетворяющего физическую боль, божества адепты ордена Тагара. В просторечье – «мучители».

Само по себе их присутствие в Бриазэлларе не было чем-то удивительным. Тысячи туристов из года в год стекались в обитель назй Чувств за новыми впечатлениями, список которых отнюдь не исчерпывался теми из эмоций и ощущений, которые принято считать приятными. Кому-то хотелось изведать, каково это, когда тебе разбивают сердце или отнимают то, что ты более всего любишь, а кто-то интересовался... более материальными воздействиями. Алаи подобной работой брезговали, зато тагарцы всегда были рады предложить свои услуги. Однако такие «лицензированные» мучители вели себя тише затаившейся в норе мышки, работали только с добровольцами... и уж тем более не натравливали псов на бриазэлларских кошек.

Аниаллу приказала глимлаю опуститься и сошла с него на землю. Дворик, посреди которого она очутилась, был похож на тёмный колодец между высокими стенами домов – ни одно из окон сюда не выходило. Алайка пошевелила ушами, но ничего, кроме отдалённого шума улицы, не услышала, как ни напрягала слух.

Каменная площадка двора была практически пуста: рядом с выходом из арки у кем-то основательно покусанной водосточной трубы громоздились пустые ящики, да около левой стены темнела куча тряпок. Этот ворох был слишком мал, чтобы животное, которое, по словам детей, было довольно большим, могло спрятаться в нём, но благовониями несло именно оттуда. Аниаллу осторожно, крадучись приблизилась и потянула за край ветоши. Из-под неё показался кусок совсем другой ткани – плотной и настолько чёрной, что свет лун тонул в ней, не в силах обрисовать контуры её многочисленных складок.

Такой материал, способный поглощать магическое излучение, стоил огромных денег и, разумеется, лежал здесь не просто так. К негодованию сианай примешалась значительная доля любопытства. Она присела на корточки и осторожно потянула за уголок ткани, словно прилипшей к стене. Та поддавалась почти без усилия. Медленно, стараясь не издавать ни звука, Алу отрывала драгоценную материю от камня. Наконец из образовавшейся щёлки выскользнул луч света, а вместе с ним и туманная струйка магической энергии. Как Алу и ожидала, ткань должна была скрыть от посторонних глаз поток волшебства, так и рвущийся наружу из подвального оконца.

Аниаллу продолжала тянуть ткань, и она послушно отрывалась, не издавая ни малейшего треска. Наконец просвет стал достаточно велик, чтобы сианай смогла заглянуть в подвал. Там ярко пылал камин с непривычно узким и высоким зевом и утыканной шипами решёткой на дне; горели тонкие, длинные свечи, словно слепленные из пучка переваренных макарон. Их верхние части изгибались сальными дугами, так что бледное пламя смотрело во множество раскиданных по полу осколков зеркал, и мутный воск капал вниз, как яд со змеиного жала. На верхних полках грубо сколоченных, забитых всяким хламом стеллажей тревожным багровым светом перемигивались кривобокие банки. Внутри них пульсировало что-то аморфное, похожее на живые сгустки то раскалявшейся, то остывавшей лавы.

Ничего похожего на собаку в подвале не обнаружилось, кроме разве что тройки обитых косматыми шкурами пуфов, издали смахивающих на мелких вывалившихся в грязи дворняг.

У одного из столов спиной к камину и боком к Аниаллу стояла чета человеческих стариков, обряженная в чёрные балахоны. На просторной мантии мужчины Аниаллу углядела яркий символ – алую каплю на фоне разлапистой, похожей на амёбу чёрной кляксы, окружённой золотым ореолом. Он, к её удивлению, отнюдь не являлся знаком Тагарского ордена. Этот символ буквально притягивал взгляд сианай, и ей вдруг стало страшно интересно узнать, что же он олицетворяет. У обоих стариков были густые длинные белые волосы. У каждого одна из прядей была заплетена в сложную косичку, на конце которой блестел идеально черный, оправленный в золото камень.

Обычно, глядя на пожилые смертные пары, Аниаллу впадала в несвойственную ей сентиментальность: её умиляло, как супруги, пронесшие свою любовь через все жизненные невзгоды, поддерживают друг друга, буквально сдувая пылинки с любимого существа. Каждый раз Алу мысленно молилась Веиндору, чтобы он даровал им возможность покинуть этот мир в один день... Но те старики, на которых она смотрела сейчас, вызывали в ней совсем другие чувства. Было в их лицах нечто такое, что пальцы сианай непроизвольно дёрнулись, словно готовясь плести заклятье.

Проследив направление их взглядов, Алу заметила в дальнем углу комнаты, за каким-то закопчённым чаном, высокую фигуру, едва различимую во тьме. Этот некто кивнул старикам, взмахнул руками и тут же шагнул в направлении открывшегося по его приказу портала. Диск волшебной двери был очень тусклым и уже в шаге от себя почти не освещал пола, но в тот момент, когда тёмная фигура скрылась в нём, белое сияние выхватило край богато вышитого плаща. Он мелькнул лишь на долю секунды, и Аниаллу ни в чем не была уверена, но ей показалось, что рисунок из изумрудных и серебряных нитей сложился в символ дома ан Ал Эменаит, семьи, в которую входила и она сама.

Алайка собралась было скользнуть в подвал через окошко, чтобы развеять сомнения, но портал закрылся так же внезапно, как и распахнулся. Лица стариков исказили гримасы злобного торжества; они могли показаться картинными, как у плохих актёров, если бы Аниаллу своим алайским чутьём не ощущала подлинной, жгучей ненависти, переполнявшей этих двоих. В этот момент тьма под столом заколыхалась и обернулась большой чёрной тварью, от угольно-черной шкуры которой не отражалось ни единого отблеска каминного огня. Костлявая рука старика погладила существо по уродливой голове. Пальцы внезапно сжались, собрав в кулак складки шкуры на загривке. Увидев это животное, которое, разумеется, не было собакой, Алу решила, что именно оно и напугало её серую сестрёнку. Значит, его хозяевам следовало хорошенько наподдать.

Она вновь приготовилась прыгнуть в окно... но тут вдруг почувствовала себя так, будто её одновременно потянули за хвост и за усы: любопытство и гнев влекли её в подвал, а интуиция заставляла замереть на месте. Не пытаться даже заглянуть в мысли этих стариков. Сидеть тихо-тихо, чтобы, не приведи Аласаис, не выдать своего присутствия. Это до крайности изумило Аниаллу, ведь ничего особенно необычного или страшного внизу не происходило, но она давно привыкла доверять своим чувствам и не стала противоречить внутреннему голосу.

Вскоре Аниаллу показалось, что пламя свечей и огонь в камине начали меркнуть. Не угасать (пламя было всё таким же высоким), а именно меркнуть, бледнеть, выцветать, словно превращаясь в призрак огня. Тьма набирала силу, разливаясь по подвалу из того самого угла, где только что закрылся портал. На Алу дохнуло холодом. Фигуры замерших стариков и их жуткого питомца быстро теряли форму, становились расплывчатыми, словно растворялись в чёрной дымке. Не прошло и минуты, как странная тройца исчезла совсем. Вместе с ними пропало и всё, что было в комнате. Остались только стол, чан да два пустых, пыльных шкафа. Один из них вдруг скрипнул, покосился и с грохотом обрушился на пол, словно человек, из тела которого некромант вырвал душу...

Аниаллу попятилась. Добравшись до ящиков в другом углу двора, она уселась на них, поджав колени к подбородку. Ей было очень не по себе – не столько от увиденного, сколько от собственных противоречивых чувств. Эти старики не были слишком уж сильными колдунами – она справилась бы с ними, если бы захотела. Тогда откуда её осторожность? Возможно, они владели какими-то предметами, которые могли представлять угрозу для сианай? Но тогда она должна была почувствовать их магию... Мантия старика? Нет, она вовсе не была зачарована. Банки? «Собака»? Камни в волосах этой парочки?

В задумчивости Алу провела когтем по крышке ящика, оставив неровную царапину, похожую на крючок или ручку от зонта... или на одну из только что виденных ею свеч. Круговым движением она пририсовала каплю воска и брезгливо затрясла рукой: под коготь набилась древесная труха. Вычистив её, Аниаллу вновь взглянула на загогулину. Теперь она напонила сианай тощего человека, рассматривающего что-то у своих ног. Именно так выглядел вопросительный знак на всеобщем языке... Свечи Вопросов!

Она уже видела эти подозрительные «макаронины» – на фреске во Дворце Аласаис. Там была изображена иронично ухмыляющаяся алайка, рассеянная посреди сверкающей спирали из битых зеркал, в окружении таких вот свечек – Такрен Фай, Пожирательница Тайн. Кошка, изгнанная в Бездну за то, что в своей ненасытной жажде знаний вторглась в такие запретные пределы, что стала представлять смертельную опасность для всего Энхиарга. Стремясь распространить своё безумие на других алаев, она вложила в созданные ею свечи частицу своего мятежного духа: они возбуждали во вдохнувшем их аромат неуёмное любопытство, разум его освобождался от моральных и религиозных запретов, опасений, сомнений, стереотипов. Он отваживался заглянуть туда, куда других не пускали интуиция,

страх или здравый смысл; начинал видеть тайны и загадки там, где никто до него их не видел. И вдобавок получал неплохие шансы разгадать их.

Изгоняя Фай, алаи во главе с патриархом Селорном изъяли у неё все свечи и наложили на неё заклятие, не позволяющее создать новые. Но кто сказал, что свечи были уничтожены? Возможно, они хранились где-то – например, в замке дома ан Ал Эменаит... и были украдены оттуда... Уж не тем ли, кто скрылся в портале, на ком был плащ того же дома? Страшно подумать, что за пакость разнюхали благодаря этим свечам чёрные старики. Тогда понятно, почему интуиция удержала Аниаллу от чтения их мыслей – некоторых вещей лучше не знать.

Она передёрнула плечами. Голос интуиции, требовавшей не лезть в это дело, оказался громче голоса любопытства, она, как кошка-мать своего расшалившегося котёнка, схватила Аниаллу за шкурку, не позволила влезть не в своё дело. И сианай вдруг стало ужасно приятно от сознания того, что её дух кошки, несмотря на свои многолетние мучения, всё же оказался сильнее магии изгнанницы Фай.

* * *

У дерева её дожидалась девочка. На этот раз она держала в руке ярко горящую свечу – к счастью, прямую и гладкую, из буроватого воска. Ещё одна свеча, незажжённая, была зажата в другом её кулачке. Спасённая кошка крутилась у ног улыбающейся малышки и, грациозно выгибая спину, тёрлась о них головой, благодарно урча.

– Ты меня ждёшь? – спросила Аниаллу, улыбаясь: она уже разгадала намерения девочки.

– Да. Ты убила её?

– Нет. Но, думаю, она никого больше не побеспокоит.

– Спасибо. Я хотела... Сегодня ведь праздник Тысячи свечей, а у тебя нет ещё ни одной. Можно, я зажгу свечу для тебя?

– Конечно, – ответила Алу. И как она умудрилась забыть о дне Тысячи свечей? Его ведь уже лет двадцать как справляют в Бриазэлларе.

Аниаллу взяла из загорелой ручки свечу, и девочка зажгла её от своей.

– А ты знаешь, откуда к нам пришёл этот праздник? – спросила Алу.

– Из Аглинора, – тут же ответила малышка. – Там у них в одной священной роще живут какие-то особенные пчёлы. Раз в год они меняют улей, а эльфы собирают их воск и лепят из него ровно тысячу свечек. Они так гадают, как к ним в этом году будет относиться лес. Если свечки вышли тонкими – это значит, что надо быть осторожными: за любой отдавленный корешок дерева их сожрут. А если толстыми – есть шанс, что только пожуют и выплюнут.

Аниаллу с интересом посмотрела на девочку: для большинства горожан день Тысячи свечей был просто красивым ритуалом загадывания желаний.

– Мои мама и папа готовят вон там, в «Клетчатой мыши». А я иногда уношу тарелки. В прошлом году к нам заходил один дедушка из Аглинора, он мне всё объяснил про свечки, – словно прочитав мысли Аниаллу, пояснила малышка и вдруг протянула и свою горящую свечу.

– Ведь ещё нет полночи, – возразила Алу, но свечку всё-таки взяла.

– Ты почти богиня, тебе можно, – хитро улыбнулась девочка.

– Как тебя зовут? – спросила Аниаллу.

– Делия, госпожа, – ответила та, и лицо её стало таким серьёзным и сосредоточенным, словно сейчас решалась её судьба. – Я хочу... я хочу стать алайкой, как Верховная жрица Гвели! – с неожиданным жаром выпалила она.

Некоторое время алайка молча разглядывала Делию, которая застыла, отважно глядя ей прямо в глаза.

– Ну что ж, Делия, – стараясь сохранять спокойствие, сказала Аниаллу и задула её свечу, – пусть будет так. Я желаю тебе стать си'алай⁸.

Кивнув на прощанье, Алу полетела прочь. Она не оглядывалась, и так зная, что её провожает взгляд полных надежды, больших серых глаз девочки Делии, крепко сжимающей в руке погашенную самой сианай свечу. И надежде этой суждено было сбыться – у Делии была душа алайки.

Аниаллу было, безусловно, приятно сознавать, что сокровенная мечта этого милого ребёнка осуществится – она получит свои вожаемые хвост и уши. И в любое другое время она с большим удовольствием стала бы для Делии проводником в мир Кошачести... но не сейчас. Сейчас ей стало как-то тревожно на сердце – оттого что именно в эту ночь, когда она настроилась попрощаться с домом и шагнуть в новую жизнь, с нею вдруг произошло столько событий, у неё появилось столько причин задержаться.

А вот сам Бриазллар, напротив, казалось, поддерживал Алу в её намерениях. В какой-то момент она поймала себя на мысли, что летит не над настоящим, живым городом, а над гигантским, простирающимся от горизонта до горизонта листом серой акварельной бумаги, на влажной поверхности которого расплывались прочерченные тёмным контуры домов, мостов, арок, башен и бледные пятна окон, подсвеченных статуй и фонарей. Деталей было уже не разобрать. Город словно поцеловал её на прощание и, укутавшись в одеяло из мглы, улёгся спать или занялся какими-то неотложными делами, предоставив ей заняться своими.

⁸ Си'алай (обращённый в алая) – существо, обладающее алайской душой, но родившееся в неалайском теле и лишь в зрелом возрасте, ощутив духовное родство с детьми Аласаис, обзаведшееся кошачьей оболочкой. Чаще всего си'алаи выглядят как алаи-полукровки, сочетая алайские черты с чертами, свойственными представителям их прежней расы.

3. Страж кошачести

*Эалы? Ну, это такие чёрные одичавшие алаи.
Анлиморский «рыбный» гид гостю города*

Миновав Воинский квартал, Аниаллу оказалась над площадью Серых Струй – пустынной и пыльной, с маленьким, хрипло журчащим фонтаном посередине. Сианай снизилась, медленно пересекла её и нырнула под арку в колючей стене седого боярышника, за которой пряталось это скорбное место. В глаза Алу тут же брызнуло всеми оттенками пламени: развернувшаяся перед ней улица была обсажена огненно-рыжими клёнами. В пылающей листве чёрными змеями извивались могучие ветви. Кое-где с них свисали птичьи гнёзда, похожие на огромные зеленоватые каштаны.

Улица *Старых* Клёнов стала именоваться так с первого дня своего существования, когда несколько тысяч лет назад её заложили кошки, перебравшиеся в Бриазллар из Ал Эменаит – Великого леса. Такое название было попыткой создать иллюзию того, что они обитают здесь с незапамятных времён, являясь неотъемлемой частью города, его древней истории, культуры, а отнюдь не полудикими чужеземцами, только вчера – в самом прямом смысле этого слова – спрыгнувшими с ветки.

Минули годы, и теперь вряд ли кто-то мог представить себе Бриазллар без дома ан Ал Эменаит, ставшего одним из самых многочисленных и влиятельных семейств. Однако то, что город принял этих лесных кошек, отнюдь не означало, что и они полностью приняли его: и по сей день *эалы* довольно скверно относились к «цивилизованному» образу жизни, с его большими скоплениями разномастных существ, шумом и толкотнёй, со всем этим этикетом, дипломатическим бредом, политической вознёй, экономикой и прочими вредными глупостями. Вот почему на улице Старых Клёнов не было ни одной лавки, ни одной гостиницы, ни одного ресторана.

Здесь царила тишина лесной чащи, лишь изредка нарушаемая криком птицы или шорохом крадущегося в траве зверя. По обеим сторонам мощёной чёрным камнем дороги тянулись сады, казавшиеся порядком одичавшими. В глубине спящих зарослей прятались низкие дома, похожие на огромные пни с шапками тёмного мха на макушке. Их мощные корни кое-где выныривали на поверхность, обнимая овалы лужаек, клумбы, бассейны или утопанные площадки для тренировок.

Длинная улица делала пару плавных изгибов и упиралась в высокие ворота замка ан Ал Эменаитов. Влюблённые в родные леса, эалы сделали и своё обиталище в Бриазлларе похожим на привычный для них сумрачный древесный мир. Оно резко отличалось от эльфийских дворцов, где живые ветви и цветы подменялись искусной вышивкой и резьбой, а освещение, дарованное самой природой, – волшебными огнями и прочими искусственными светильниками. Их многоэтажное логово не было подделкой, суррогатом леса, нет. Живущее своей магической жизнью, но полное дыханьем природы – дикой, хищной и прекрасной – оно было её частью.

Пока Аниаллу летела над улицей, тёмная громада живого здания словно вырастала из земли, являясь сианай во всем своём грозном, гармонично-строгом величии. По сути своей оно было рощей древних, исполинских деревьев, привезённых сюда из Великого леса. Эти гиганты, столпившиеся внутри замковой ограды, отличались друг от друга ростом и комплекцией: были среди них и приземистые толстяки-аблуры, чьи стволы непомерно раздувались книзу и, окружённые щупальцами белёсых корней, походили на осьминожки головы; и стройные артианги – драконьи сосны, рыжие стволы которых резными колоннами подпирали ночное небо. Каждый был одет в кору своего рисунка и оттенка: одни облачились в

чешую и отблескивали металлом; другие – щетинились миллионами острых крючков, ставшими могилой неосторожным мошкам; третьи, напротив, были гладки и полосаты, как бока арбуза, а четвёртые выглядели так, будто некий завоеватель веками прибавал к ним бороды поверженных врагов. Одни из них сторонились соседей, другие так и льнули друг к другу, сплетали стволы и ветви, давая жизнь мостикам, оградкам и беседкам. Кто-то мог похвастаться диковинным изломом своих мощных, шершавых рук, кто-то – целыми водопадами воздушных корней или тяжёлыми серьгами плодов.

В самых толстых из ветвей были проложены коридоры, связывающие одну живую башню с другой. Кое-где они уплощались, поддерживая на своих предплечьях ягодники, прудики и целые завалы трухлявых брёвен, испещрённые светящимися россыпями грибных шляпок. Из необъятных стволов трутовиками вырастали ступени внешних лестниц и плавно изогнутые балконы. Издалека раскиданные на них подушки казались кучками птичьих перьев. Резьба на стенах повторяла причудливые узоры ходов короеда, застеклённые дупла сияли в обрамлении высохших лиан, в гигантских чагах спрятались спальни с высокими окнами-фонарями... Единственным, что выбивалось из общей «дикой» картины, были сложные геометрические рисунки многочисленных витражей.

Высокие створки, сплетённые из чёрных шипастых ветвей, бесшумно распахнулись перед Аниаллу. С площадок, шершавыми языками выдающихся из замковой стены по обе стороны ворот, на сиянай внимательно и строго взирали глаза крупных, поджарых пантер. Гладкие шкуры их лоснились в свете Глаз. Хмурые хищники сидели настолько неподвижно, что их с лёгкостью можно было принять за статуи. Кошки Аласаис редко несли стражу в своей двуногой форме – им было не по силам отстоять долгие часы дежурства, вытянувшись в струнку. Они начинали сутулиться, переминаясь с ноги на ногу, физиономии их принимали кислое, недовольное выражение, хвосты обвисали. В общем, вид такие охранники имели не самый внушительный. Другое дело – благословенная кошачья форма! В ней и удобно, и хоть клубком свернись или между пальцев шерсть выкусывай – всё равно будешь выглядеть надлежащим образом: величественно и грозно.

Аниаллу вплыла во Внешний двор, непривычно пустой и тихий. Его устилал упругий тускло светящийся мох. На противоположном конце овальной площади этот живой ковёр прорезали два огромных серых корня. Они огибали широкую лестницу и бычьими рогами загибались вперёд и вниз, взрывая землю в четырёх десятках хвостов от ворот. На корнях были вырезаны имена всех членов семейства, и, прикоснувшись к любой из подписей, можно было узнать, дома ли её хозяин (если, конечно, он не пожелал скрыть своё присутствие). Правда, тем, кто не обладал развитой интуицией, сделать это было не так-то просто: попробуй отыщи нужное среди нескольких тысяч имён, хаотично разбросанных по корню и имеющих гадкое свойство переползать с места на место – в этом так и сквозила горячая любовь залов к незванным гостям.

Время от времени на корнях появлялись похабные карикатуры на правящую верхушку Бриазллара за авторством его высоконагломордия Энаора – сына бедняжки Меори, матриарха дома ан Ал Эменаит. Художник из этого великовозрастного пакостника был никудышный, зато подмечать чужие недостатки он умел, как никто. Может быть, потому, что сам был весь один сплошной недостаток.

У основания корней из гладкой древесины выныривали перекошенные ужасом лица – портреты воров, в разные годы изловленных в стенах замка. Поговаривали, что патриарха Селорна по молодости посещала крамольная мысль заточить в этих же корнях и их души – так сказать, в целях предотвращения рецидива. Но то ли жрецы Веиндора Милосердного помешали, то ли сам Селорн придумал что-то поинтереснее.

Справа и слева двор ограничивало трёхэтажное здание, за которым виднелись крыши других строений, витражные купола и, конечно, деревья, деревья, деревья... По фасаду его

тянулись галереи с лёгкими арками, куда и направила свой глимлай Аниаллу. Ироничные взгляды статуй, цепляющихся за резьбу стен острыми серебряными когтями, напомнили ей о том, что летать во владениях дома ан Ал Эменаит себе дороже: патриарх Селорн буквально зверел, когда его подданные «изменяли Аласаис (даровавшей им прыгучие и лазучие тела) с презренным Повелителем Ветров». Волшебная доска послушно опустилась, Аниаллу спрыгнула на пол и от души пнула «нектоугодный» глимлай пяткой. Ветви, из которых он был сплетён, разом пришли в движение – доска превратилась в клубок золотистых змей, быстро уменьшающийся, словно гады уползали в какое-то невидимое отверстие. Не прошло и пары секунд, как глимлай обернулся коротким жезлом, мягко опустившимся на ковёр. Аниаллу подняла его, сунула в сапог, а распрямившись... порадовалась, что так вовремя скрыла улики преступления – к ней направлялся патриарх Селорн собственной персоной.

Как и все залы, он был густо, идеально чёрен – от ступней ног до внутренней стороны прижатых ушей, от кончика мощного хвоста до недовольно кривящихся губ. Патриарх не отличался особенно высоким ростом или шириной плеч, на нём не было плаща или чего-нибудь в этом же духе, но Аниаллу не могла избавиться от ощущения, что его сумрачная фигура заполняет собой всё пространство галереи, неумолимо надвигаясь на замершую сияющую подобно грозовой туче. Глядя на него, хотелось юркнуть куда-нибудь в неприметную узкую щёлочку и затаиться там, зажмурившись и стараясь не дышать. Но никаких щёлочек поблизости не оказалось, и Алу оставалось только, замерев, смотреть на зала, гневно прищурившего ядовито-зелёные глаза.

– Я разочарован, – прорычал он, остановившись в нескольких шагах от неё. – Как ты посмела, недостойная дочь, так опорочить имя своей семьи?! Понимаешь ли ты, что могла тем самым навлечь гнев Аласаис на всех нас? Я проклиная тот день, когда взял тебя, приبلудную, в свой дом!

– Прости меня, отец! Прости, что разочаровала тебя. Я готова понести любое наказание, – Аниаллу опустилась на одно колено и склонила голову. Её пальцы сплелись в замок за спиной в знак искреннего раскаяния за содеянное.

– То, что ты сотворила, невозможно простить.

В коридоре повисло тяжкое молчание. Аниаллу и Селорн застыли друг напротив друга. Стайка светляков, круживших под низким сводом, отбрасывала на их окаменевшие лица дрожащие золотистые блики. С этих двоих, пожалуй, можно было бы слепить парочку отличных статуй – аллегии стыда и праведного гнева... Вот только работать скульптору пришлось бы очень быстро. Селорн не выдержал первым – сурово сжатые губы его дрогнули и расплылись в довольной улыбке.

– Я вижу, актриса из тебя явно лучше, чем змеюшная жрица, – заявил он, подняв голову Аниаллу за подбородок и заставив приёмную дочь посмотреть себе в глаза.

– Ты более не гневаешься, отец? – шаловливо пошевелив ушами, но всё ещё умудряясь выдерживать извиняющийся тон, спросила Алу.

Эал не стал отвечать – Аниаллу и так было хорошо известно, что во всём Бесконечном не отыщется существа, которое её отставка порадовала бы больше, чем его. Он протянул дочери руку, в кои-то веки не забыв вежливо втянуть когти, помог ей подняться с колен и, обняв за плечи, повёл вглубь дома. Светляки следовали за ними, пока Селорн небрежным жестом не отослал их прочь.

– Тебя можно поздравить с первым *нормальным* заданием? – спросил он, миновав открытую галерею и ступив под своды Внешнего замка.

– Да. Не знаю, правда, насколько оно нормальное, но уж точно ни с какими змеями и Путиами не связано, – хмыкнула Алу.

Селорн не расспрашивал, догадываясь, что молчание было одним из условий её контракта. Несмотря на то что патриарх был родом из Великого леса, представители мужского

населения которого были самыми лучшими телепатами в Энхиарге, он не смог бы прочитывать мысли Аниаллу – её разум находился под защитой самой Аласаис (что, конечно, мало радовало зала).

– Ты давно меня почувствовал?

– Нет. Я охотился... мы охотились. Сейчас увидишь, – ускоряя шаг, пообещал патриарх.

* * *

Они свернули за угол и вышли в круглую комнату с потолком-куполом, похожим на черепаший панцирь, из которого выпилили большинство пластин, заменив их толстыми, мутными зеленовато-бурыми стёклами. Их неровная поверхность кое-где вздувалась пузырями, её покрывали коричневые разводы и тёмные пятна лишайников. С костяных рам свисали пучки седой травы. Неудивительно, что этот маленький зал прозвали Болотом.

В проломе посреди пола булькал небольшой фонтан. Над ним снежным комом нависал крупный кот – эдакий упитанный, обросший длинной шерстью леопард-альбинос. С выражением непередаваемой брезгливости на розовоносой морде он купал одну из своих сахарных лап в низких струях фонтана – как и другие три, она была забрызгана кровью. Завидев Селорна, бедняга поспешно выдернул лапу из воды и попятился – точь-в-точь кухонный котяра, пойманный за похищением печёнки. Но было поздно. Патриарх сгрёб его за ухо и, не слушая его жалобных криков, потащил прочь от фонтана, приговаривая:

– Кошки моются языком. Я-зы-ком. Языком они моются.

Его жертва продолжала вопить, выкатив голубые глаза и прижав второе ухо. Где-то на полпути к стене она вдруг упёрлась в пол растопыренными лапами и вцепилась в камень когтями. Селорн остановился.

– О, да я смотрю, ты вспомнил, зачем тебе эти крючки на пальцах. Прогресс, – осклабился он и отшвырнул от себя кота.

Аниаллу с улыбкой наблюдала за этой «душераздирающей» сценой. В ней был весь Селорн – бдительный страж своей и чужой Кошачести.

– Посмотри, какого красавца мы с этим олухом завалили. Едва не ушёл. Матёрый, – сказал патриарх, подводя дочь к мохнатой окровавленной туше. – Я уж думал, господин волшебник набегался за ним, проголодался и с ушами зарылся в добычу. Но нет. Его могущество не может донести кусок мяса до морды, не левитируя его!

«Господин волшебник», подёргивая растерзанным ухом, потупил взор. Он был ан Меанором – одним из котов-магов. И, видимо, довёл себя работой до такого состояния, что попал на лечение к патриарху Селорну. Лично.

Что может свести алая с ума? Жизнь в Нель-Илейне, где, куда ни ступишь, везде мокро? Или почётная обязанность изо дня в день ужинать в компании элиданских аристократов, когда нельзя подбирать под себя ноги, урчать, заглатывать большие куски и помогать себе руками? И Аниаллу, и патриарх Селорн прекрасно знали ответ – это *усиленные занятия магией*.

У ворот замка ан Меаноров частенько можно было увидеть, как очередной посетитель, теряя бумаги и остатки собственного достоинства, стремглав скатывается с лестницы с воплем: «Да они там все помешанные!» И с этим диагнозом, при всём желании, было очень трудно поспорить. Каждый бриазлларец знает – от ан Меаноров можно ждать любой выходки. *Абсолютно любой*. Словно кто-то, обладающий изощрённым и извращённым воображением, сидел и выдумывал каждому из них свой набор невообразимых привычек.

Алаи неплохие колдуны, однако они явно не созданы для постоянных фундаментальных магических исследований – таковые вредят не только их физическому и умственному здоровью, но и, что куда страшнее, самому тел алаит, духу Кошки. Увлёкшись колдовством,

многие из ан Меаноров забывали о своей природе, теряли связь со своей кошачьей сущностью и, как следствие, большинство свойственных каждому алаю способностей. Когда какой-то рубеж в их саморазрушении оказывался пройденным, они впадали в депрессию, могли неделями апатично сидеть, уставившись в стену или же в книгу, где были не в состоянии понять ни слова. Иногда лекарям душ удавалось вытащить их из этого состояния, но часто они доводили себя до той грани, что их уже не могло спасти ничто, кроме полного стирания памяти и нового рождения (так что алайское восклицание «Родите меня заново!» приобретало в устах ан Меаноров особое значение).

Патриарх Селорн, всегда ратовавший за то, чтобы его соплеменники-эалы уважительно относились к своей сути, разумеется, не мог спокойно смотреть на умерщвление ан Меанорами своего духа Кошки. Он старался облегчить их участь. И отнюдь не путём нежного убийства во сне, как можно было подумать, зная его... методы. Он увещевал их, одёргивал, когда они забывались, запугивал до полусмерти, а на особо упорных надевал анти-магический ошейник, не позволявший принять двуногую форму, и выкидывал где-нибудь в глухом лесу (или, в исключительных случаях, в дикой части собственного замка).

Надо сказать, такая «охототерапия» оказалась наиболее действенным методом для возвращения заплутавших в магических дебрях ан Меаноров к природе. Все они потом благодарили Селорна. Но это отнюдь не означало, что сам процесс исцеления был лёгок и приятен... Впрочем, как и общение с эалийским патриархом.

Вот и сейчас помятый кот-волшебник бросал на патриарха ненавидящие взгляды. Поглядывал он и на Аниаллу – недоуменно и сочувственно, словно спрашивая: «Почему *он* ещё на свободе? *Он* же совершенно выжил из ума!». Алу только улыбалась в ответ.

Ей нравилось изображать эдакую любимую кошку тирана, которую он ласково гладит одной рукой в тот момент, когда другая сжимается у кого-то на горле (о чём, впрочем, наивная мурлыка не имеет ни малейшего представления – ведь она знает своего хозяина только с лучшей его стороны). Она обожала делать большие глаза и рассказывать окружающим, что «Селорн совсем не такой».

Однако, сказать по правде, характер у Селорна был тот ещё. Патриарх дома ан Ал Эменаит был непредсказуем, как дикий зверь, его вспышки гнева давно вошли в легенды. Мало кому удавалось чувствовать себя комфортно рядом с этим беспардонным телепатом, способным в любой момент грубо вломиться в твоё сознание... или, напротив – выбить из тебя дух ударом мощной лапы.

И хотя Аниаллу прекрасно знала, что ни безумным тираном, ни банальным бытовым извергом Селорн не был, поначалу она тоже не совсем понимала, как ей удаётся чувствовать себя в уютной безопасности рядом с существом, при одном упоминании имени которого у большинства кровь леденеет в жилах, губы начинают шептать молитвы, а руки тянутся к оружию. Более того, почему именно в его присутствии все её душевные терзания сходят на нет? Конечно, всем кошкам по нраву дразнящее, щекочущее чувство близкой угрозы, но... Но в последнее время Аниаллу стала догадываться (а вернее, решила признаться себе), что причина всё же совсем в другом: патриарх Селорн был единственным, кто так и не принял её служение Тиалианне, единственным, кто всегда был готов защитить её внутреннюю кошку от внутренней змеи – как защищал тел алаит вот этого брезгливого ан Меанора от пожирающей его разум магии. И Алу была бесконечно благодарна ему и за себя, и за горе-волшебника.

* * *

– А почему ты спросила, давно ли я тебя почувствовал? – спохватился патриарх, вдоволь натыв своего подопечного мордой в дымящуюся тушу и оставив его выбирать между голодом и отвращением к сырому мясу.

– Да наткнулась тут на одну подозрительную компанию. Вот и подумала, если ты следил за мной, то мог заметить что-нибудь интересное.

– Что за компания? – любопытствовал Селорн.

Аниаллу рассказала о загнанной на дерево кошке и обнаруженном благодаря этому тайном пристанище чёрных магов, но это несколько не обеспокоило патриарха. Однако стоило дочери поделиться с ним своими опасениями насчёт исчезнувшего в портале незнакомца и упомянуть Свечи Вопросов, зал насторожился, оба его уха повернулись к Аниаллу, и он начал подробно расспрашивать её обо всех деталях. Алу терпеливо повторила свой рассказ, стараясь ничего не упустить. Заинтересованность на лице Селорна сменилась недоумением, а затем и раздражением.

– Не понимаю, как ты могла не вмешаться! – наконец не выдержал он. – Почему не разобралась во всём этом? Неужели эти старики были настолько сильны, чтобы представлять угрозу для Тени Аласаис?

– Нет. Дело не в угрозе... – Аниаллу замялась, подбирая слова.

– А в чём тогда?

– Не знаю. Может быть, я почувствовала, что могу что-то испортить, если полезу туда сама: выдам себя – и мы не узнаем что-то важное, отвлекусь на этих стариков – и прогляжу или не успею сделать что-то... более значительное.

– Более значительное? – едва не зашипел Селорн. – Тебя не волнует, что кто-то смог подкупить или запугать одного из принятых в нашу семью чужаков? Заставить этого подонка работать на себя, украсть из нашей сокровищницы эти проклятые свечи?

– Они хранились у нас? – вскинула брови Аниаллу. – Почему?

– Совет не дал мне их уничтожить, – скривился патриарх, хлестнув себя по боку хвостом.

– Не злись, – примирительно поскребла его плечо сианай. – Всё это тревожит меня ничуть не меньше, чем тебя самого. Вместо того, чтобы рычать друг на друга, давай лучше подумаем, кто бы это мог быть. Точно не алай – он был слишком высок, как эльф или даже дракон, да и глаза его не светились. Постой, – спохватилась она, – ведь матриарх Меори совсем недавно взяла под своё покровительство какого-то дарларонца, верно? Энаор всё ныл, упрашивая её сделать это.

– Это точно не он, – отмахнулся Селорн. – Эти двое со вчерашнего утра возятся с очередным изобретением. Ломали над ним головы несколько месяцев и вчера перешли от теории к практике. Ты знаешь, чем обычно заканчиваются эксперименты Энаора.

Аниаллу вжала голову в плечи.

– Вот я и велел ему наложить на свой заклинательный покой чары, которые не позволят выбраться оттуда наружу или проникнуть внутрь ничему и никому. Срок их действия ещё не закончился.

– Значит, нужно думать дальше, – развела руками Алу.

– Несомненно, – склонил голову Селорн. – Я уже послал Разноглаза проверить твой подвал. Посмотрим, что он там найдёт.

* * *

Долгое время Селорн и Аниаллу шли через покои Внешнего замка, направляясь к его сердцу, туда, где зеленела огромная поляна Внутреннего двора.

На пороге одного из залов Алу насторожилась – на неё нахлынули волны чужой печали. Не успела она отыскать их источник, как одна из створок дверей, темнеющих в стене справа, немного приоткрылась, и в образовавшуюся щель проскользнул какой-то зал. Он метнулся к текшему через зал ручью и, зачерпнув из него воды кувшином, всё так же быстро и бесшумно выскользнул на улицу. Селорн не придавал значения этому происшествию, но Аниаллу всё же остановилась и окинула зал взглядом, ища причину столь стремительного исчезновения «водоноса». Вокруг ничего не двигалось – лишь журчала вода, да полотнища гобеленов, украшающие стены, слегка колыхались, словно от дыхания вытканых на них залов.

Но когда Алу перевела взгляд на группу статуй, у ног которых брал начало ручей, яркое пятно тепла выдало в одной из них живую эалийку. Она сидела у статуи Аласаис, уронив голову на руку, опирающуюся о постамент. Тёплые струи пропитали её длинные рукава, увлекли их за собой и прозрачный шёлк фиолетовой дымкой расстелился по зыбкой поверхности потока. Именно её боль, войдя в зал, разделила Аниаллу.

– Ты часто видишь их такими в последние дни? – шёпотом спросила Селорна Аниаллу, без труда разгадав причину её горя – общего для всех алаев.

– Слишком часто. Мир изменился, – звучный низкий голос патриарха раздался в её сознании, – и изменился к худшему. Это чувствуют все, но не все могут поверить самим себе.

– Селорн, я не сомневаюсь, что это недоразумение уладится, и все вер... – начала было Алу, но грозный мысленный рык патриарха прервал её.

– Вернутся?! Из обители Смерти?!

– Вот именно, Веиндор – Смерть, а не какой-нибудь смертный судья, которого можно ввести в заблуждение. И я не верю в то, что он может покарать невиновных, – куда менее убеждённо, чем ей хотелось бы, сказала Аниаллу. – Он никогда не совершит такой страшной несправедливости, как та, о которой ты сейчас подумал.

– И что же помешает ему заставить моих котов родиться полуграмотными пастухами в какой-нибудь глухомани? В теле, которое не позволит их дару проявиться? А что, отличный способ обезопасить от них всех этих овец из Канирали!

– Веиндор подбирает существу воплощение согласно природе его души. А не в качестве наказания. Этот основа основ того порядка, которому он служит. Путь...

– Путь?! Теперь из тебя ползет эта змеиная дрянь?! Приди в себя! – вслух рявкнул Селорн, и Аниаллу невольно отшатнулась. – Клянусь Её клыками, я доберусь до этой танайской богини, которая ворует у Аласаис её жриц и превращает их в своих марионеток! А вместо ниточек – навязанное им раздутое чувство жалости. Ко всем подряд!

Стоило патриарху заговорить о вечной проблеме своей дочери, и, как и много раз до этого, он разъярился не на шутку. Лицо его превратилось в грозную маску, а уши плотно прижались к голове. Обычно Аниаллу обращала на это мало внимания, но сейчас ей стало не по себе. Селорн пугал её. Ей показалось, что на сей раз, как бы дико это не звучало, за угрозами отца в адрес Тиалианны стоит решимость воплотить их в реальность.

– Папа, я, конечно, тоже совсем не в восторге от своей судьбы. Но Тиана сделала мою жизнь... такой не из прихоти, не надо делать из неё циничного кукловода... самодура, – тихо возразила Алу. – Она служит Бесконечному... Дело во мне самой. Это я какая-то чересчур негибкая. Вот Эталианна – она тоже тал сианай, но это не мешает ей быть счастливой, – наверное, в тысячный раз привела сестру в пример Аниаллу.

И в тысячный же раз Селорн медленно проговорил, словно выплёвывал каждое слово:

– Твоя Эталианна слишком глупа, чтобы осознать всю плачевность своего положения и противоестественность поступков.

– Возможно, в чём-то ты... мы и правы, – вздохнула Алу. – Но мстить Тиане – это безумие. Без неё мир изменится до неузнаваемости, и, кто знает, будет ли в нём место для Аниаллу, Селорна или Аласаис. Таков порядок вещей. Не забывай, что на юго-востоке нас ждёт куда более страшный враг. Именно враг, а не союзник, чьих действий мы иногда не понимаем. Ты же не хочешь сделать Лайнаэн такой царский подарок ко дню Тысячи свечей? Только представь, как радуются сейчас элаанцы⁹, думая, что согласию среди остальных наэй пришёл конец.

Патриарх молчал, и Аниаллу продолжала:

– Так что и с Веиндором мы тоже не можем позволить себе воевать...

– Они взяли на себя право судить! – бешено сверкнул глазами Селорн. – Словно они боги, а мы какие-нибудь люди! Кто они такие, эти серебристые твари, чтобы лезть в наши дела? Было ли хоть раз, чтобы кого-то из наших несправедливо осудили, а мы сидели, втянув когти? Город всегда вступался за своих, освобождал их от тюрьмы или казни, даже ценой крови осудивших его! Если из этого правила сделать исключение, то нашей прежней жизни придёт конец!

Теперь настала очередь замолчать Аниаллу. Она понимала, что доводы патриарха сильны, но одновременно знала, что если к этим доводам прислушаться, то всем им несдобровать.

– Видно, змеиный яд, которым она травит твою душу вот уже двадцать веков, настолько разъял твои глаза, что ты не видишь, что происходит. На нас напали, забрали в плен наших собратьев, а мне не позволено ответить?!

– Это всё так. Но твои братья из Великого леса не совершали никаких преступлений. Рано или поздно Веиндор поймёт это, если уже не понял. Он не причинит им вреда, нам не от чего их спасать.

– Аниаллу, – Селорн показался ей сейчас таким старым, как человек, проживший сотню лет, – они там уже больше двух месяцев. Вряд ли всё кончится хорошо. Мы должны собрать все силы и отбить пленников.

– Это не только не имеет смысла, но может погубить всех нас. Если дети наэй перестанут жить в мире, то неизвестно, что ждёт Энхиарг. Я понимаю, что ты испытываешь сейчас, очень хорошо понимаю. Но ты алай, ты не должен позволять эмоциям погубить себя и свой народ. Ты учишь нас, что такое быть кошками, почему же сам сейчас забываешь об этом? Ты же не можешь не чувствовать, что мы должны ждать, а не собираться в поход. И давай забудем об этом хотя бы на сегодня, – попросила Аниаллу, которой очень хотелось поскорее увести рассерженного Селорна подальше от этого зала и оставить замершую у статуи эалийку наедине с её грустью. – Мы всё равно не можем сейчас что-либо изменить.

Патриарх ничего не ответил. Он только резко мотнул густой смоляной гривой, словно пытаясь вытряхнуть какой-то мусор, нападавший с ветвей, и молча пошёл к выходу.

* * *

Миновав решетчатые двери, Селорн и Аниаллу вышли на широкую лестницу из подогретого камня. И Алу застыла как вкопанная. Внутренний двор был освещён тысячами свечей. Они гроздьями опять вырастали из стволов деревьев, прятались среди листвы, кувшин-

⁹ Элаанцы – «дети Света». Сотворены наэй Лайнаэн. Отличаются надменностью и жестокостью ко всем, кто «отбрасывает тень». Ненавидят даоров. Недолгобливают алаев.

ками покачивались на зеленоватой воде прудов. Плоская поверхность стриженных живых изгородей превратилась в длинные столешницы, уставленные кушаньями и напитками. Ото всюду доносились пение, музыка, мяуканье и смех. Это могло означать только одно – залы Ал Эменаит, эти ревнители алайских традиций, подобно остальным горожанам Бриазлара, праздновали иноземный день Тысячи свечей.

– Сейчас всем нам не помешает немного веселья, – объяснил Селорн, а потом чуть слышно и как-то странно горько добавил: – Перед боем.

Аниаллу кивнула, отдавая должное мудрому решению патриарха. Она чувствовала: если замолкнет эта музыка, стихнут пение и смех, то в доме повиснет душная, тяжёлая тишина... Да и несколько сбывшихся желаний – а они сейчас у большинства залов одинаковы – тоже не будут лишними.

Алу сбросила сапоги у входа и босиком пошла вслед за патриархом. Моховая дорожка щекотала ей пятки, разминала ступни ног, так и не привыкших ходить в обуви. Нечасто Аниаллу приходилось видеть столько залов, собравшихся вместе – разве что во время религиозных праздников. Ещё реже дом ан Ал Эменаит приглашал такое количество гостей: больше сотни кошек других пород, а также всевозможных неалаев. Здесь был даже дракон: он полумесяцем возлежал на поляне, закрывая своим могучим телом нижний этаж ближайшего здания. Он был ещё молод (чтобы не сказать – мал) и посему мог с лёгкостью уместиться в этом дворе. Кто-то прилепил на спину дракона несколько свечек, и их яркие жёлтые огоньки, отражаясь в чёрных зеркальцах его щёгольски отполированных чешуй, солнечными зайчиками прыгали по каменной кладке.

Множество разноцветных алайских глаз, постоянно жмурящихся от удовольствия, сияли рядом с сотнями свечей. Их обладатели валялись на подушках, раскиданных повсюду, прохаживались, беседовали, лакомились эльфийскими деликатесами, затевали шуточные потасовки, танцевали или просто наблюдали за своими соплеменниками, устроившись в дуплах и на ветвях деревьев.

Аниаллу на ходу отвечала на приветствия и улыбки, стараясь не отстать от Селорна. Её удивило, как далеко отошли залы от своего обыкновения, устраивая этот праздник: и меню, и костюмы, и музыка – всё было продумано, воссоздано с несвойственным им уважением к чужой, эльфийской, культуре. Словно озлившись на драконов Веиндора, залы вдруг обнаружили, что на фоне этих чешуйчатых остальные расы не так уж плохи и не будет большого стыда, если они позволят себе перенять кое-какие из их обычаев.

Впрочем, картину то и дело нарушали то чьи-то когти, пропоровшие мысок сапога, то чья-то слишком высоко задранная, разорванная по шву юбка, демонстрирующая ногу с сухими, сильными мышцами охотницы. Некая прелестная дама, склонив изящную, увенчанную диадемой головку, сосредоточенно слизывала с пальцев мясной сок. Через стол от неё господин в рубашке с высоким воротником и расшитом еловыми лапами жилете угощал свою подругу канапе, нанизанным на собственный коготь...

Посреди лужайки маргариток, выделяясь из толпы зрителей атласной белизной кожи, плавно перетекала из одного танцевального па в другое парочка золотоухих ан Камианов. Уж они-то не позволили себе ни единой оплошности, ни малейшего отступления от образа: каждая деталь их нарядов – от узлов на шнурках до плетения косиц, каждый их жест и слово были идеально выверены. Если бы не кошачьи черты, их невозможно было бы отличить от тех, чьи маски им было угодно примерить этой ночью. От них даже пахло духами, точно воспроизводившими тонкий аромат согретой солнцем эльфийской кожи.

– ...А ты как думаешь? Это, друг мой, целая наука. Есть на свете такая замечательная вещь, как Кошачесть, – донеслось откуда-то слева; кто-то говорил тоном существа, одаряющего окружающих бесценными крупицами своей мудрости, – и вот этого у неё в избытке.

Аниаллу отыскала философа глазами – им оказался немного нескладный, как все молодые коты, зал, растянувшийся на живой изгороди. Он поигрывал бокалом с вином и сверху вниз взирал на своего товарища, сидевшего на траве.

– Правда, ушки у неё несколько великоваты, но ей и это идёт! – с видом истинного ценителя женских прелестей закончил свой монолог юноша.

Он отправил в рот зеленовато-серый листочек аланаи – ‘котовника’, единственного растения, которое позволяло алаям ощутить состояние, отдалённо напоминающее опьянение. Это была безопасная травка, не вызывающая привыкания и не действовавшая на котят, которые могли бы к ней пристраститься.

Аниаллу широко улыбнулась, глядя на юного зала. Тот почувствовал её взгляд. Темная кожа не позволяла заметить, как зарделись его щёки, но теплочувствительные глаза сианай увидели это. Юнец поспешно обернулся пантерой, но нос его всё равно горел в ночи яркo-алым треугольником. Это было так забавно, что Алу быстро отвернулась, не в силах сдерживать смех. Она наконец ощутила себя дома. «О Аласаис, до чего же я люблю их всех!..» – подумала Аниаллу, обводя двор восхищённым взглядом, и чуть не икнула от удивления.

– Теллириен? Как он-то здесь оказался? – шёпотом спросила она у Селорна. Патриарх пожал плечами.

Этого эльфа знали во всем Энхиарге не только как замечательного певца и сказителя, но и как рьяного защитника природы, одного из тех немногих, кто дерзнул открыто выступить против магов из Линдорга, отравивших отходами своей чародейской деятельности окрестные леса.

– Скоро минет пятьсот лет со дня победы на Огненной реке, – мысленно ответил на её вопрос сам Теллириен, подняв на сианай глубокие серые глаза. – Я хотел бы сочинить новую песнь о тех великих днях. И никто лучше тебя не поведает мне о них.

Алу кивнула.

Рядом с Теллириеном сидела (в платье!) Ирера, вторая дочь Селорна, и аккомпанировала знаменитому менестрелю на арфе, одном из любимых инструментов алаев. Эалийка приветливо улыбнулась Аниаллу.

– Мне необходимо поговорить с ним, – донёсся до сианай голос Селорна.

Патриарх неопределённо махнул рукой и скрылся в толпе. «Надо понимать, аудиенция закончена», – пожал плечами Алу.

Забравшись на камень, она осмотрелась, прикидывая кратчайший путь до своих покоев. Её взгляд остановился на необычной лестнице, ведущей в крону раскидистого дерева с золотистой листвой, растущего у стены Внутреннего замка и соединённого с ней крытой галереей. Казалось, что несколько пантер прыгнули вниз с его ветки одна за другой и замерли в воздухе, словно время для них остановилось. Кошки повисли в воздухе так, что голова каждой касалась хвоста предыдущей. Первая пантера была уже у самой земли, а последняя ещё только отталкивалась могучими задними лапами от толстой ветви.

Ступая по блестящим чёрным шкурам необычных ступенек, Аниаллу взобралась на дерево и, отодвинув одну из ветвей, вошла внутрь спрятанной в пышной кроне беседки. Несведущий гость мог запросто принять расположившихся там эалиек за наложниц какого-нибудь богача, скучающих в ожидании своего общего любовника. На всех были платья похожего покроя, скрывающие значительно меньше, нежели показывающие; одинаковыми были и подвески из янтаря, спускавшиеся на их высокие лбы до самых угольных бровей. Одни беседовали между собой, томно помахивая хвостами, другие, потягивая древесный сок, наблюдали за праздником через золотой занавес листвы... Однако эта иллюзия серала продержалась бы от силы пару минут – до тех пор, пока гость не нашёл бы в себе силы поднять глаза, оторвавшись от созерцания их совершенных тел.

Потусторонняя, таинственная сила, жившая в этих кошках, делала их нежные лица пугающе-красивыми и придавала глубоким внимательным глазам почти грозное выражение. Казалось, что они сосредоточенно вглядываются внутрь себя, прислушиваются к своим ощущениям, как смертная женщина, понесшая от бога, замирает в ожидании, что её невероятное дитя вот-вот пошевелится.

То были *анэис*, Чувствующие, главное сокровище залов. Они не были ни великими волшебницами, ни могущественными телепатами, как коты их породы. Талант *анэис* был иным. Дар интуиции, щедро отпущенный всем алаям, у них был развит до невероятных высот. До высот, граничащих с возможностью пророчествовать. Живя в полном согласии с природой собственных душ, со своим духом Кошки, они в то же время пребывали в гармонии с Бесконечным, и по легенде изредка он распахивал перед несколькими из них свою сокровенную память.

Анэис не обратили на *Аниаллу* почти никакого внимания. Лишь несколько коротких кивков, вежливых, отмечающих, что её заметили, и всё... словно её здесь и не было. Да, честно говоря, и сама она не жаждала задерживаться тут дольше, чем это было необходимо. Под пристальными взглядами их сумрачных глаз *Аниаллу* становилось как-то не по себе, и она ничего не могла с этим поделать. Ей всё время казалось, что сейчас кто-нибудь из них бросится на неё и загрызёт за неподобающее обращение со своим телом *алаит*, за то, что она делит свою преданность между *Тиалианной* и *Аласаис*. Впрочем, *Алу* была не единственной, кого *анэис* невольно приводили в трепет, заставляя перебирать свои прегрешения. Далеко не каждому удавалось понять, что в глазах их не было подозрительности или злобы – только сила, настолько огромная и непонятная, что это могло испугать.

Алу вздрогнула, когда одна из *анэис* – высокая и статная – поднялась ей навстречу. На длинных прямых волосах Чувствующей лежал венец из тёмного серебра с янтарём – символ особого могущества её дара. Это была матриарх *Меори*, соправительница *Селорна*.

– Ты выбрала верный путь, – прозвучал в сознании *Алу* тихий, хриловатый голос Чувствующей; *Аниаллу* показалось, что он разливается по всему её телу, наполняя его странной дрожью. – Следуй ему, с чем бы тебе ни пришлось столкнуться. Пусть ничто не свернёт тебя с него.

Тал сианай изумлённо посмотрела на залийку, но та уже опустилась на прежнее место и потеряла к *Аниаллу* всякий интерес, всем своим видом давая понять, что разговор окончен. *Алу* знала, что пытаться получить от матриарха какие бы то ни было разъяснения уже бесполезно. Она сказала *сианай* всё, что знала сама, всё то, что подсказала ей её сверхчувствительная интуиция.

* * *

Добравшись до своих покоев, *Алу* миновала приёмную и постучала в маленькую дверь, которая вела в комнаты её единственной служанки. Ей пришлось ждать почти минуту, прежде чем дверь распахнулась, явив *сианай* гостиную, так и пестревшую разноцветными шелками, изразцами и мозаикой. *Шада* – хозяйка этих роскошных апартаментов – была под стать их убранству: празднично-яркая, широко улыбающаяся, так и пышущая здоровьем. На вид этой обаятельной человеческой женщине нельзя было дать и тридцати, на деле же два года назад она шумно отметила своё стотридцатилетие. Служанка обняла свою госпожу гибкими шоколадными руками, расцеловала её в обе щёки, и *Аниаллу* почувствовала, что её позвоночник, заledenевший после встречи с *Меори*, потихоньку оттаивает.

– О! Как хорошо, что ты вернулась! У нас тут такое творится! – тараторила между тем *Шада*.

– Да? И что же? – на свою голову рассеянно полюбопытствовала Алу. Не прошло и нескольких минут, как она прокляла себя за этот вопрос – на неё вылился целый поток новостей.

– Шада! Сжался над моими ушами! – взмолилась она, наконец. – Ты хорошая шпионка, вот только я, наверно, слишком глупая и легкомысленная кошка, чтобы хоть как-то использовать эту ценную информацию.

– Не понимаю твоей иронии, – пробормотала посерьёзневшая Шада, недовольно гремя браслетами. – Как ты собираешься начать новую жизнь в Бриаэлларе, если не желаешь знать, что здесь происходит?

Алу вздохнула. В отличие от неё, Шада всегда была в курсе последних событий «Кошкограда» – от выставок и лекций до всяческих интриг и тайных сделок. Её деловой хватке, умению выуживать из всех и вся нужную информацию и извлекать из неё прибыль позавидовал бы любой энвирзийский торговец. Собственно, именно благодаря этому таланту, а отнюдь не способности находить парные носки Аниаллу, Шада вошла в сотню богатейших неалаев Бриаэллара.

Впрочем, из близости к сианай ей также удавалось подчас получить ощутимую пользу: служанка ловко приспособилась продавать «жареные факты» из жизни своей госпожи незадачливым шпионам, не понимавшим, насколько та оторвана от бриаэлларской жизни. Шада щедро делилась «самыми сокровенными тайнами Тени Аласаис» с многочисленными осведомителями (с ведома самой Тени, разумеется) и исправно складывала выручку в тяжёлую старинную шкатулку, стоявшую на столике посреди той самой комнаты, в которую они с Аниаллу сейчас направлялись. Рядом с ларцом всегда лежал листок бумаги, на который Шада подробно записывала, от кого и за какую именно информацию были получены деньги, тем самым добывая куда более ценные сведения, чем те, которые она продавала. Шада продавала всё это с педантичностью старой, жадной драконихи, которая только что изжарила в своей пещере компанию воров и теперь пересчитывает свои сокровища в ужасе, что они успели-таки вынести медяк-другой.

– Ты права, Шада, – сказала Алу. – И когда я дозрею до того, чтобы нырнуть в местную жизнь, я, конечно, во всем буду советоваться с тобой. Во всём, во всём! Но сейчас у меня голова не тем занята.

– Как будет угодно Вашей Кошачести, – обиженно отчеканила Шада.

Аниаллу примирительно обняла её и с хитрой улыбкой протянула:

– Я вот всё думаю: когда ты сбежишь от меня в какой-нибудь Анлимор? Откроешь там своё дело или купишь себе земли, титул и покажешь всем соседним князькам, как надо вести дела? А?

Выразительно подняв брови, Шада посмотрела на неё, как на душевнобольную, и совершенно серьёзно изрекла:

– Я слишком ценю возможность носить твои платья.

Алу прыснула, представив себе фигуристую Шаду, пытающуюся втиснуться в один из своих нарядов, и стала спускаться в кладовую – обширное, круглое помещение с потолком-куполом, сплошь выстланным светящимся мхом – алым, лиловым, оливковым. На ходу она протянула своей спутнице длинный список, составленный накануне. Собираться в дорогу самой было бы безумной затеей – Аниаллу просто заблудилась бы среди этих полок. Шада же ориентировалась здесь значительно лучше. Пробежав записи глазами, она одобритительно кивнула, направилась к лесенке, облокотившейся на один из шкафов, взлетела на неё и не глядя просунула руку между огромной бутылкой с белёсой жидкостью, в которой угадывались очертания какого-то существа, и шкатулкой, состоящей из множества искусно пригнанных друг к другу костей.

За её спиной Аниаллу решительно водрузила на стол огромный кожаный рюкзак. Звякнули пряжки. Шада обернулась.

– Ты опять собираешься тащить с собой это чудовище? – закатила она глаза. – Алайка с фобией. Кому расскажи – не поверят.

Аниаллу упрямо кивнула. Она действительно испытывала стойкую неприязнь к «бездонным сумкам» – тем, что изнутри были куда больше, чем снаружи. В них можно было уместить целую гору всевозможного барахла, которое вдобавок делалось практически невесомым. Алу не видела всех этих плюсов за одним минусом: существовала некая, очень незначительная вероятность, что от близости источника сильной магии такие мешки могут начать «барахлить», то есть превращать своё бесценное содержимое уже в настоящее барахло – в жалкий, бесполезный мусор, напрочь утративший свои магические свойства. К тому же, если бездонную сумку уничтожали, то и вся её «начинка» исчезала вместе с ней: или попросту разрушалась, или выбрасывалась в какое-то случайное место, или оказывалась запертой в пространственном кармане, куда некогда вёл спрятанный в горловине мешка портал. В любом случае приятного было мало. Правда, маги-мешочники доказывали с пеной у рта, что *их* волшебные сумки обладают стопроцентной надёжностью, но... всяк купец расхваливает свой товар.

Аниаллу стояла на своём и на все доводы отвечала, что скорее обзаведётся глимлаем, чтобы он следовал за ней, неся на себе весь багаж, чем будет постоянно тревожиться о своих редких волшебных штучках. И со временем действительно обзавелась, вот только чаще всего не рюкзак путешествовал на летающей доске, а сама доска – в одном из его карманов. Впрочем, это кожаное, адорской работы «чудовище» тоже было зачаровано, что делало его более лёгким и прочным, да и запиралось надёжнее, чем сундук с драгоценностями в иной сокровищнице.

Наконец Шада спрыгнула со стола и швырнула в рюкзак потёртый кожаный тубус. За ним в просторные недра полетели цветные склянки, сетки со стеклянными шариками, мотки верёвки, свёртки ткани, запаянные в стекло карты, связки игл и крючков, крошечные книжки, свитки и прочее, прочее по списку.

– Кажется, всё! – объявила служанка, звонко хлопнув ладонью по пузу объевшегося рюкзака.

Она застегнула многочисленные пряжки, на пробу подняла рюкзак и с осуждением посмотрела на свою хрупкую госпожу. Аниаллу, намереваясь подняться вверх, демонстративно небрежным жестом подхватила его на плечо, которое непременно должно было бы с жалобным треском переломиться под такой тяжестью, но Шада преградила ей дорогу и настойчиво повлекла её к заветному столику.

– Алу, потрудись хотя бы взглянуть на мои записи! Вдруг там окажется что-нибудь важное. Ведь будешь потом жалеть!

– Шада, то, что ты всё записываешь, это замечательно, – Аниаллу пробежала глазами отчёт о шпионаже, – и я очень тебе благодарна, но деньги... – она бросила взгляд на ларец. – Лучше бы ты их в Общество защиты кошек отдавала, что ли, или ещё куда-нибудь. Мне они нужны меньше, чем кому бы то ни было. Что мне с ними делать?

– Ну, не знаю, купишь себе новое платье.

– Да эти твои платья уже скоро перестанут влезать сюда! – простионала Аниаллу, с тоской глядя на одну из дверей комнаты.

За ней располагалась под завязку набитая одеждой, обувью и украшениями гардеробная. А ведь помимо этой кладовки в доме было ещё с полдюжины шкафов примерно с таким же содержимым. Раньше Аниаллу частенько тайком наведывалась во «Вторую жизнь» – лавку, торгующую ношеной одеждой, оставляя там целые вороха пёстрых тряпок. Но с тех

пор как Шада поймала её с поличным и устроила скандал, к которому подключила патриарха Кеана, об этом недостойном, по их мнению, занятии, пришлось забыть.

– Тогда тем более есть достойное применение деньгам, – просияла Шада, хитро взглянув на хозяйку, – тебе просто необходимо приобрести новый дом с более просторными гардеробными!

– Ладно, лиар с тобой, делай как знаешь! – обречённо вздохнула Аниаллу.

Она снова повесила рюкзак на плечо и ободряюще подмигнула Шаде. Вопреки впечатлению, Алу легко взобралась вверх по винтовой лестнице, по дороге игриво погладив шершавую шкурку многоногого псевдодракона, узкая спина которого покрывала перила, а длинные лапы охватывали поддерживающие их столбики.

Наверху сианай направилась к письменному столу. На нём были с тошнотворной аккуратностью разложены бумаги, книги, папки и перья. Алу невольно поморщилась – теперь, после того как Шада на славу потрудились над её «термитником», ничего опять невозможно будет найти. Аниаллу собиралась написать письмо одной из преподавательниц Бриазлларской Академии Магии, но решила, что можно обойтись и устным посланием.

– Шада, сходи к Имлае в... – начала было она, но Шада прервала её, затянув на одной ноте:

– Госпожа, я знаю, где служит Имлае ан Темиар. Вам вовсе не обязательно напоминать мне о таких простых вещах каждый раз...

– Хорошо, хорошо... Так вот, сходишь к Имлае и скажешь ей, чтобы она обратила пристальное внимание на девочку по имени Делия. Её семья живёт на Солнечной улице в Гостевом квартале.

– А что за девочка? Волшебница? – полюбопытствовала Шада.

– Да, у неё отличные задатки, но дело даже не в этом. Она вполне сможет стать одной из нас.

– Алайкой? – глухо спросила сразу же сникшая Шада.

– Да, Шада. Я встретила её сегодня по дороге домой. Она отдала мне свою свечу и сказала, что это её самое заветное желание...

– Покажите мне ту, что отказалась бы от такой красоты и силы! – усмехнулась Шада; в её голосе слышались нотки горечи и зависти.

– Шада, ты меня удивляешь просто! – неожиданно для самой себя взорвалась Аниаллу. – Тебе ли не знать, что к этим, как ты выразилась, красоте и силе прилагается ещё и дух. И если этот дух чужд твоей душе, то – вот он, результат, перед твоими глазами. Унылое, несчастное, мятущееся создание. О! Дух Змеи, которым так милостиво одарила меня Тиалианна, конечно, позволяет мне видеть судьбы, души и прочее. Вот только расплачиваюсь я за это тем, что теряю себя. Всё в моей – алайской по природе – душе восстаёт против этого! Меня разрывает надвое, и тебя бы разрывало точно так же... а ты куксишься, как ребёнок, которому не позволили вытащить пальцами яблочко из камина!

– Прости меня, – прошептала почти испуганная этой вспышкой Шада.

– Это ты меня прости, – обнимая её, сказала Алу. – Есть вещи, которым лучше ни с кем не случаться. А особенно – с такими замечательными существами, как ты.

И она поспешила выйти из комнаты, прежде чем Шада успеет поинтересоваться: а чем, собственно, сама Аниаллу хуже, раз Аласаис без зазрения совести проделывает с её душой эти самые «вещи»?

* * *

«Полюбовалась бы ты, Шадочка, на меня три месяца назад», – рассеянно перекладывая с место на место какие-то свёртки, ворчала себе под нос бывшая тал сианай.

Тогда, ещё обременённая своим двойным титулом, она спасала очередных жертв вселенской ошибки в одном из отдалённых миров. Миссия её благополучно завершилась. Все были обласканы, воодушевлены, пристроены и... довольны жизнью. Все, кроме неё самой.

Аниаллу буквально содрогалась от омерзения. Всё, чем она с таким упоением занималась в минувшие годы, сейчас, когда она очнулась от своего альтруистического забвения, представлялось ей нестерпимо противоестественным для алайки, унижительным, разрушительным для её кошачьей сути.

И вот, в ознаменование своего триумфа, прекрасная Аниаллу ан Бриазллар, Тень Аласаис, старшая приёмная дочь трёх влиятельнейших алайских домов, встрёпанная и зарёванная, сидела посреди тесной комнатухи, заваленной открытыми книгами, альбомами с репродукциями, поющими кристаллами и пустыми бутылками. Не переставая тихо ругаться, она занималась тем, что «паковала чемоданы» – впитывала знания о чужом мире, с которым, сконцентрированная на своей цели, так и не успела толком познакомиться. Стихи, проза, живопись, музыка, мода, кулинарные изыски, обычаи и научные открытия – всё это и многое другое, что составляло местную культуру, «укладывалось» в памяти её души, готовясь отправиться вместе с ней в Бриазллар... Но даже всеми этими экзотическими «вкусоностями» Аниаллу не удавалось заесть свою тоску.

– Ну всё, с меня хватит! Это мы ещё посмотрим... – то и дело восклицала она, рывком перелистывая очередную страницу, и в сотый раз представляла себе, как бы она наподдала своим неблагодарным подопечным, хотя в глубине души твёрдо знала, что не будет никому мстить... несмотря на то, что горький осадок от незаслуженной обиды останется надолго.

Время от времени она прихлёбывала мутную голубоватую жидкость из большой бутылки, стоящей рядом с ней на полу. Подмешанные в крепкое вино стимуляторы памяти позволяли Аниаллу буквально за минуты усваивать огромные объёмы информации. Сианай нисколько не волновало, что такое количество сильнодействующих веществ несомненно разрушит её мозг за считанные часы. Более того, она очень надеялась на это. Её неалайская оболочка уже выполнила своё предназначение, однако избавиться от неё оказалось не так-то просто.

Видимо, творец этого мира не жаловал самоубийц, вот и наградил своих созданий сильнейшим инстинктом самосохранения. Чувства Аниаллу были слишком расстроены, чтобы она могла усилием воли преодолеть его. Ей пришлось некоторое время заливать страх смерти спиртным, дабы он не мешал ей принять опасный стимулятор, побыстрее выучить всё, что она считала нужным взять с собой, и наконец-то покинуть этот негостеприимный мир.

Разум её начинал туманиться. Она отложила последний, так и недочитанный томик стихов, тяжело привалилась к стене... и вдруг словно увидела себя со стороны. Увидела, что стоило «змеиному наваждению» схлынуть, как она даже в горе повела себя как истинная дочь своего народа: вместо того чтобы, поджав хвост, поспешить убратся из этого, принесшего ей столько горестей места, она стремилась впитать в себя всё лучшее, что в нём было. Любопытная кошка в ней отчаянно, страстно хотела жить, восторгаться чудесами Бесконечного – быть самой собой. Она ловила всякий момент, чтобы высунуть усатую мордочку из этого унылого болота. Сердце Аниаллу сжалось от жалости к ней... к себе.

Это и стало последней каплей в чаше её терпения. Через пять часов Алу, хмурая и решительная, уже выходила из потайной двери своего дома в Бриазлларе. Едва отвечая на приветствия друзей и почти не глядя по сторонам, она отправилась в южную часть города, к Дворцу Аласаис.

Ее сразу приняли. Верховная жрица Гвелиарин поднялась ей навстречу и указала на место у своего кресла. Аниаллу надо было высказаться, и её выслушали. Она говорила и говорила: о том, что больше не хочет выполнять подобную работу, и о том, *почему* она не

хочет её выполнять. Она не может более помогать существам, которых не знает, не любит, до которых ей, по большому счету, нет никакого дела, и она не хочет, чтобы кто-то, особенно чужая наэй, вкладывала в её алайскую голову чувства, желания и порывы, противные натуре всякого создания Аласаис. Жрица понимающе кивала, прикрывая глаза в знак своего расположения и доверия к Аниаллу. Когда Алу наконец закончила свою речь, Гвелиарин долго молчала, глядя в лихорадочно блестящие глаза своей собеседницы, а затем ободряюще сказала:

– Если ты не желаешь помогать тем, на кого мы указываем, тогда не делай этого. Ты вольна выбирать собственный путь, и решать, кому ты протянешь руку, может только твоё собственное сердце.

Она сказала всё это без тени гнева, без намёка на то, что осуждает отступившуюся от своего служения Аниаллу. Гвелиарин даже не казалась удивлённой.

– Я попрошу тебя лишь об одном: я хочу, чтобы официально ты сохранила за собой титул тал сианай. Но от обязанностей, которые он на тебя налагал, ты теперь свободна.

Удивлённая таким лёгким согласием отпустить её, Аниаллу поблагодарила Верховную жрицу и тут же покинула Дворец. Она была рада, что Гвелиарин не пыталась пристыдить её, но всё же в словах Верховной жрицы ей чудился какой-то подвох. И, как чуть позже показала история с даоркой Дани, предчувствие её не обмануло...

* * *

Аниаллу подумала было в воспитательных целях передать Шаде эмоциональный образ своего тогдашнего состояния, чтобы раз и навсегда отбить у неё мечты о духе Кошки, но сочла такую радикальную меру преждевременной. Её служанка была очень не глупа, она умела глубоко и тонко чувствовать, и Алу была почти уверена, что, оставшись в одиночестве и поразмыслив над необычно резкими словами своей хозяйки, Шада всё поймёт и утешится сама. А её собственный дух окрепнет.

Сианай подошла к шкафу и наугад вытащила одно из парадных платьев. Она даже не стала разворачивать его. Платье просто *надо было* взять с собой. Это была странная традиция, и любая алайка следовала ей неукоснительно, не особенно задумываясь о её происхождении.

Уложив жемчужно поблёскивающий наряд в рюкзак, Аниаллу в последний раз застегнула тугие пряжки. Кажется, всё. Ничего не забыла. Алу в лёгком замешательстве поскребла себя за ухом: какого хвоста она так волнуется? Почему она ведёт себя так, словно отправляется в места, откуда ей не выбраться домой до самого завершения своей миссии, а возможно, ещё дольше, хотя прекрасно знает, что в любой момент сможет вернуться за тем, что ей понадобится, через сверхнадёжный, драконьей работы, портал. Каждая вещь казалась ей настолько важной, будто от того, что её вдруг не окажется под рукой, зависела судьба сианай. Всё её алайское чутье кричало об этом, хотя подобные чувства были просто нелепы, учитывая характер предстоящего Алу путешествия.

Закончив сборы, она не смогла удержаться и вышла на балкон, чтобы ещё раз взглянуть на город. Бриаэллар по-прежнему лежал в густой тени. Только два здания смогли прорвать эту мглистую пелену: на востоке взмывала ввысь Башня Тысячи Драконов, стены которой были буквально сплетены из гибких чешуйчатых тел, мощных перепончатых крыльев, когтистых лап, замысловато изогнутых хвостов и лукавых длинных морд. В сиянии широко распахнутых Глаз Аласаис грандиозный барельеф переливался всеми оттенками серебра. Из-за этого ртутного блеска многие гости города принимали Башню за храм Веиндора. На деле же в ней располагалось посольство Драконьих Клыков, а также «логова» драконов Изменчивого, по какой-либо причине живущих в Бриаэлларе: огромные помещения с фресками на

стенах и неуютно высокими потолками, где ступеньки гостевых лестниц и немногочисленная мебель – полки, столешницы, матрасы, сиденья и спинки стульев – неприкаянно парили в воздухе, ожидая, пока воля хозяев не прикажет им сбиться в стаю, сложившись в обеденный гарнитур, или, напротив, разлететься по сторонам, освобождая место для танцев.

Башня была одним из самых высоких зданий города. Поспорить с ней могли только лазурные шпили Дворца Аласаис. Яркую синеву его стен оттеняло пепельное кружево винтовых галерей, балконов, террас и мостиков, дымчатое стекло куполов, тёмные витражи на окнах. Фасад Дворца был подсвечен, но внутри него не горело ни одного светильника. Только высоко – там, где почти под крышей главной башни вырисовывался изящный балкон, жёлтым маяком сияла ярко освещённая арка.

В минувшие годы время от времени на её фоне можно было разглядеть кажущуюся крошечной тёмную фигурку, и тогда взгляды всех, кто находился в Бриаэлларе, неумолимо притягивало к балкону, к той, что взидала на *свой* город с таким же восхищением, как часом раньше смотрела на него Аниаллу. В эти недолгие минуты каждый ощущал себя невероятно счастливым, и тоска по этому чувству всегда оставалась в сердце, кому бы оно ни принадлежало... Но Аласаис уже целую вечность не появлялась в Бриаэлларе.

Аниаллу вздохнула и, ещё раз окинув взглядом город, недоумённо пожала плечами. Прежде, именно в такие минуты расставания, Бриаэллар представлял перед ней во всей своей прелести. Он словно манил её остаться, предлагая её глазам всё лучшее, что в нём было. Благо главная его достопримечательность располагалась буквально через дорогу. Там сияли янтарным светом высокие окна бального зала дома ан Камиан – дома-музея, дома-театра, дома-дегустационного зала, дома терпи... дома, обитатели которого были воплощённым желанием познать – пощупать, понюхать, услышать, увидеть и осмыслить – всё, что мог предложить им в своей неиссякаемой щедрости Бесконечный.

Алу вспомнила, как в одно из таких прощаний с Бриаэлларом она заметила в одном из разбитых на крышах особняка садов странное дерево и не удержалась от соблазна сходить разведать, что же это такое. Чудесное дерево называлось *тиэ* – «ушки». Его треугольные, с чуть загнутыми вверх краями листья в точности повторяли форму алайских ушей. Нежно-розовые с одной стороны и тёмно-зелёные, почти чёрные – с другой, они были мягкими и пушистыми на ощупь. Дерево вывел какой-то романтический фантазёр из дома ан Камиан в утешение своей подруге, обманутой неким бесчестным господином. Девушка оказалась не жадной, и теперь любая дама могла прийти к тиэ и вставить серёжку в одно из его кошачьих «ушек». Оно запоминало свою хозяйку раз и навсегда, и, если той удавалось заманить сюда избранника, «ушко» поворачивалось к ним и чутко прислушивалось к разговору. Если слова кавалера были неискренни, оно сворачивалось в трубочку и даже немного увядало, если ложь была совсем грубой. В тот раз Аниаллу буквально увязла в гостях у ан Камианов – бродила от одной диковинки к другой, забыв обо всём на свете... А сейчас что-то мешало ей найти не только «ушки», но и сам выставочный садик, где она их видела. Бриаэллар словно спрятал в карман свои диковинки, которые прежде лукаво протягивал ей на каменной ладони. Он отпускал её. И, как ни странно, Аниаллу тоже покидала его с лёгким сердцем.

* * *

От этих мыслей Аниаллу отвлекло ощущение того, что она уже не одна. Это, несомненно, была не Шада – ходить столь бесшумно человеческая девушка никогда бы не научилась. Алу оглянулась и увидела свою сестру Иреру. Она уже рассталась с арфой и выражение лица её было теперь серьёзным и строгим, под стать её тёмному «мужскому» наряду. Из-за плеча выглядывала рукоять клинка. Несмотря на свой нежный облик, Ирера прекрасно вла-

дела оружием и делилась своим мастерством со всеми желающими в Бриазлларской Академии.

– Аниаллу, – коротко кивнула она, ступая на пол балкона.

– Ирера, – откликнулась сианай.

– Ты не представляешь, как я рада, что ты приехала домой, – напряжённым шёпотом быстро проговорила Ирера; уши её постоянно двигались, эалийка внимательно вслушивалась в звуки ночи. – С отцом что-то происходит. Он стал уже открыто заявлять о том, что нашему миру с Тиалианной и Веиндором конец. Гнев затуманивает ему разум, и он не видит последствий.

– Ты знаешь не хуже меня цену его гнева, – пожала плечами Аниаллу.

– Раньше он просто хорошо играл свою роль, вживаясь в неё для правдоподобности, но теперь... теперь он явно переигрывает. Я боюсь, что он начнёт мстить за тебя Тиалианне и за весь наш народ – Веиндору.

– Он мудр, Ирера, – лукаво улыбнулась Аниаллу. – И если он даже свалится с ветки, ударится головой и резко поглупеет, то дух Кошки из него всё равно ничто не вышибет. Селорн всегда умел отличать голос своих чувств от гласа своей Кошачести. Интуиция не даст ему наделать глупостей.

– Мне иногда кажется, что кошка во мне тоже требует начать резать *их* на части! – огонёк гнева вспыхнул и тут же погас в глазах Иреры. – Рвать когтями и медленно вонзать клыки им в горло, с хрустом проламывая серебряную чешую, – проговорила она со странным спокойствием и сладострастием. – Моё сердце велит мне собрать армию из моих братьев и заставить мозги в их мудрейших головах кипеть, как зелье в котле алхимика.

Аниаллу подняла руку:

– И-ре-ра! Не разыгрывай, пожалуйста, из себя какую-нибудь человеческую дурёху, которая из банальной ревности зарезала кухонным ножом соперницу и оправдывается на суде, что это-де ей интуиция подсказала. Мол, предчувствовала она, что покойница сделает её любимому что-то ужасное. И не надо так на меня смотреть! Даже среди людей многих можно научить отличать голос интуиции от воплей разыгравшихся чувств. Что уж говорить об алаях – детях наэй Эмоций?

– Я пытаюсь, пытаюсь, но не могу окончательно решить...

– На такой случай у тебя есть анэис Меори – воплощённая интуиция.

– Меори... – глухо повторила Ирера, стараясь усмирить гнев в своём сердце. – Наверно, ты права – я не все понимаю, но, на моё счастье, я в состоянии почувствовать, кому из моих близких по силам принять верное решение.

– ...и именно это делает тебя алайкой, – закончила за нее мысль Аниаллу.

– Так же как и тебя? – невесело усмехнувшись, спросила Ирера, приобняв сестру за талию.

– В происходящем со мной тоже есть какой-то смысл... наверняка, – вздохнула Аниаллу. – Знать бы, зачем Тиане и Аласаис всё это, Ирера.

– Нам всё равно этого не понять! – недовольно фыркнула её собеседница, раздражённо дернув хвостом. – Но я тебя предупредила: с отцом что-то не так. Быть может, надо поставить в известность Совет?

– Ты на самом деле считаешь, что все так серьезно?

– Более чем. Он ведёт себя как-то не по-алайски... Нет, правы владыки Великого леса и затворники Руала – чужеземцы только вредят нам. Нельзя пускать их в наши города!

– Не стоит сообщать всему Совету, – сказала Аниаллу, проигнорировав гневную реплику Иреры: она знала, чем обычно заканчивались разговоры на подобные темы с её воинственной сестрой. – Расскажи всё Кеану или Кеаре, они всё поймут и, я уверена, найдут способ выяснить, что происходит с Селорном.

Ирера повернулась спиной к парапету, чтобы никто не смог увидеть то, что скажут Аниаллу её руки:

– Мне кажется, что с ним происходит то же самое, что с людьми из Канирали.

– Он алай. Это невозможно, – на том же языке жестов ответила Аниаллу. Никому не следовало быть свидетелем их разговора, а учитывая, что дом ан Ал Эменаит был полон телепатов, спрятать здесь свои руки было куда проще, чем мысли.

– Я надеюсь, что это именно так, – проговорила Ирера.

– В любом случае, если ты поговоришь с Верховным жрецом, ничего плохого от этого не случится.

– Я так и сделаю. Немедленно, – объявила эалийка и вдруг, не попрощавшись, прыгнула с балкона. В невероятно мощном прыжке она пантерой пронеслась над виднеющимися далеко внизу постройками замка и приземлилась на одну из верхних веток клёна.

Аниаллу проводила её взглядом. Но ни она сама, ни мчащаяся сейчас к особняку дома ан Темиар Ирера не подозревали, что за их доверительной беседой наблюдали ещё одни глаза – ярко-зелёные, презрительно прищуренные глаза патриарха Селорна. Его лицо исказила злорадная гримаса – точь-в-точь как у тех стариков из подвала на Солнечной улице. Сидя в своём заклинательном покое, он слышал каждое слово своих дочерей, но ни то, что они собирались поставить Верховного жреца Кеана в известность о переменах, произошедших с их отцом, ни то, что они вообще заметили это, не смогло стереть ехидную ухмылку с чёрного лица Селорна.

Впрочем, к тому времени, когда патриарх добрался до комнат Аниаллу и вышел на балкон, где стояла задумавшаяся сианай, лицо его приняло уже совершенно иное выражение.

* * *

– Я не думаю, что сейчас подходящее время для путешествий, Аниаллу, – раздался за спиной Алу голос Селорна, видимо, уладившего свои семейные дела и решившего уделить дочери ещё несколько минут своего драгоценного времени.

– Я – Тень Аласаис, что может угрожать мне, кроме моего собственного дурного характера? – улыбнулась та.

– Надеюсь, что ничего, – мрачно ответил патриарх. – Но даже если, покидая Бриазллар, ты не подвергаешь опасности себя, это не значит, что ты неставишь под удар других. Сейчас ты нужна мне здесь.

– Селорн, матриарх Меори, Верховная Чувствующая, – Аниаллу сделала ударение на последнем слове, – сегодня говорила со мной. Она велела мне не отступать с избранного пути ни при каких обстоятельствах. Сомневаться в её словах не смею даже я – анэис не лгут и не ошибаются в своих... рекомендациях. Моё место *сейчас* не здесь, – покачала она головой и, небрежно махнув рукой, открыла портал, заливший балкон пурпурным сиянием.

Аниаллу поправила ляжку рюкзака и собралась войти в открывшиеся ворота, как вдруг на неё обрушился шквал чужих эмоций, таких сильных, что сианай резко обернулась к дверному проему, откуда они исходили. Там никого не оказалось, но через минуту на балкон выскочил зал, видимо, и бывший источником волнения.

– Патриарх! Принцесса! На сына анэис Меори напали. Прямо в наших стенах. Это сделал эльф Инлир... – он осёкся, не договорив.

Лицо Селорна, который, не отрываясь, глядел ему прямо в глаза, стало страшным, хвост патриарха гневно хлестал по бокам, когти на ногах едва не вонзались в пол. Посланец резко дёрнул головой, словно взгляд владыки обжёг его, а на губах ухмыльнувшейся было Алу застыл возглас: «Что, опять?»

– Кто?! – прорычал Селорн, но бедный гонец не решился ответить.

Аниаллу недоумённо переводила взгляд с одного на другого. Энаора, великого мастера пакостить своим ближним, пытались убить и убивали регулярно, и очередное покушение на отпрыска Меори не должно было вызвать никаких эмоций – кроме разве что сочувствия к мстителю-неудачнику, у которого, как у всякого, кто имел дело с этим поганцем, наверняка имелись все основания его проучить.

– Энаор сумел отразить атаку, но он тяжело ранен. Сейчас им занимаются целители. – Эалу было всё ещё не по себе: взгляд Селорна был подобен кислоте, и испытавшие на себе его ярость ещё долгое время спустя чувствовали его всей шкурой.

– Расскажи нам всё спокойно, – попросила Аниаллу, понимая, что без её чар здесь не обойтись – Селорн был слишком несдержан.

Но вот с лица посланца исчезли последние следы волнения, словно нежный голос сиял смысл их.

– Мы почти ничего не знаем, – проговорил он, придерживаясь за дверной косяк. – Инлир напал на Энаора и каким-то странным образом обездвигил его. Мы не имеем представления, почему принц не сумел защититься от какого-то даора, который, может быть, и очень умён, но силой особой никогда не отличался. И в тот момент, видимо, мимо проходил сказитель.

– Наверное, меня искал, – мысленно предположила Аниаллу, вспомнив просьбу Теллириена рассказать ему о битве на Огненной реке.

– Он зачем-то заглянул в комнату. И увидев, что там происходит, вонзил кинжал в спину своего тёмного собрата, – сказал эал, и Алу подумала: «Энаору повезло, что он не успел ещё ни разу... подшутить над Теллириеном – многие на месте сказителя и не подумали бы вмешаться. Предпочли бы насладиться зрелищем». – Он спас Энаору жизнь, заплатив за это своей: его кинжал не убил Инлира сразу, тот ещё успел обернуться и свалить Теллириена. Но исцелить себя убийца не успел...

– Он мёртв? – спросил Селорн. – Это отродье тьмы спаслось от нас в смерти?!

– Увы, да, патриарх, – ответил эал, прищулив глаза в знак недовольства. – Даже от его тела ничего не осталось – оно растаяло на наших глазах, обернувшись чёрным дымом. В это мгновение все почувствовали странный холод... У всех шерсть встала дыбом, – опустив глаза, признался кот. – Это было не простое покушение, патриарх, Инлир хотел сделать с Энаором что-то... особенное, действительно опасное, от чего его не спасло бы запасное тело из подвалов ан Камианов. Возможно, поэтому эльф не пытался убить Энаора на месте – он готовился перенестись куда-то вместе с ним. Но куда именно, всем нашим волшебникам выяснить не удалось. Быть может, знай мы конечную точку этого перемещения, мы смогли бы понять, почему этот случай... так напугал нас, что в нём такого из ряда вон выходящего, – озадаченно потёр переносицу сгибом пальца эал. – Так не послать ли нам за кем-нибудь из Драконьих Клыков, вдруг им удастся её определить?

– Пошли. Только не за Крианом ан Саем, не хватает нам ещё обрадовать Амиалис рассказом, как один тощий эльф перепугал половину моего дома, – проворчал Селорн.

– Скажи-ка, а не было ли на этом Инлире вышитого зелёной ниткой плаща, как тот, в котором Ирера в дождь ходит? – связав странные ощущения эалов с собственными, охватившими её, когда она подглядывала за хозяевами подвальчика, спросила Алу.

– Да, госпожа. Видимо, Энаор отдал ему свой, – ответил посланец.

– Видишь, что творится, Аниаллу? – рывкнул Селорн, когда эал, повинувшись неумовленному движению его хвоста, удалился. – Как мог этот даор... не понимать. Но я узнаю это.

Гнев исчез с его лица, сменившись холодной решимостью добраться до того, кто стоял за всем произошедшим. И зная нрав своего отца, не хотела бы Алу оказаться на месте этого кого-то!

Она понимала, что если немедленно не отправится прочь отсюда, то уже не сможет сделать этого, хотя должна, просто обязана! Перед её мысленным взором стояли глаза матриарха Меори, слова анэис гулко раздавались в её голове. Аниаллу вздрогнула – она вдруг ясно увидела, что всё это было подстроено: и кошка на дереве, и старики в подвале, и Свечи Вопросов, и девочка-си'алай... и покушение на сына Чувствующей Меори. Всё, всё было только для того, чтобы она не покинула город. И, как казалось Алу, на этот раз ею играла, исподволь направляя на нужный путь, отнюдь не Тиалианна, а некто другой, куда менее добрый и милосердный.

А больше всего ей не нравилось то, что Селорн тоже хотел, чтобы она осталась.

Собравшись с силами, Аниаллу посмотрела прямо в глаза патриарху и твёрдо сказала:

– Я не могу остаться. Я *должна* лететь.

Она порывисто коснулась щекой щеки Селорна и решительно направилась к portalу.

– Инлае мер т'арр, Аниаллу! – прорычал ей вслед одно из ритуальных напутствий Селорн. И это было единственное, что ему оставалось.

– Истинно так! – резко обернувшись и гордо вскинув голову, воскликнула Аниаллу. – Да обовьёт тебя Аласаис своим хвостом и не оставит милостью, отец! – нежно добавила она, махнула на прощание рукой и скрылась в сиянии портала.

– Да... вокруг шеи и потуже, дочка... – пробормотал Селорн и, бросив колкий взгляд на башню Аласаис, вернулся в дом.

4. Подозрения

Хелроты любят повторять, что кошки Аласаис – вероломные, самовлюблённые, хитрые и мстительные твари... м-м-да, вот видите, даже они не могут отрицать, что в нашем характере так много замечательных качеств!

Энаор ан Ал Эменаит «Эти страшные кошки»

– ...а теперь соблаговолите посмотреть налево. Это один из моих любимых экспонатов. Здесь, в колбе номер двадцать три, представлен результат воздействия на организм алая яда двурылых пиявок из озера Змеиный Супчик. Не правда ли – крайне интересное изменение пигментации?

Мор Разноглаз нехотя повернул голову. В высокой, окованной металлом колбе с зеленоватой жидкостью покачивался на цепочках обнажённый труп эала. Яд разрисовал его чёрную кожу сотнями белёсых снежинок, в центре каждой из которых розовым пупком вздулся след пиявкиного поцелуя. Покойничек улыбался широко и не без самодовольства, словно смерть застала его любующимся своей дивной раскраской в зеркале.

– Но укусы – это не так интересно. Супчик нужно навещать осенью, когда у этих очаровательных созданий начинается период спаривания. О! Если они никогда не заползали тебе под кожу, ты понятия не имеешь, что такое щекотка, а значит не можешь считать себя полноценным алаем.

– Всё-таки, Энаор, твой папаша явно был ан Камианом. Иначе в кого ты ещё такой урод... ился? – пробормотал Мор, снова растягиваясь во весь свой немалый рост на мешках с сушёными травами.

Они уютно шуршали, когда он ворочался с боку на бок, чтобы отдать должное тому или иному «произведению искусства» – вокруг Разноглаза зеленел целый лес колб, начинённых обугленными, покусанными, искромсанными и свёрнутыми в поросячий хвостик тушками Энаора. Сбоку в стенку каждой из них было впаяно то, что на этот раз оборвало жизнь безумного сына анэис Меори: шнурок с бубенцами, чья-то рука, клешня или жало, горстка топазовой пыли, набор блестящих пыточных инструментов или баночка заплесневелого варенья из луррийского мха.

– Ан Камианом? А откуда же тогда мой выдающийся дар волшебника? – живо поинтересовался Энаор.

Мор не сразу отыскал его глазами: нынешнее вместилище мятежного Энаорова духа, запаянное в одну из колб, отличалось от прочих экспонатов коллекции лишь тем, что было относительно целым – если не считать удалённых когтей.

– Тоже верно. Он мог быть и Ан Меанором – они достаточно чокнутые, – легко согласился Разноглаз. – Слушай, великий маг и чародей, тебе не надоело тут висеть?

– Ну как же может надоест общаться с таким замечательным собеседником, как ты?

Мор воззрился на него, как на котлету из псины, но промолчал и устало прикрыл глаза. Уши Разноглаза непроизвольно шевелились: из-под пола доносились глухие удары, об источнике которых Энаор не пожелал распространяться. Было в них что-то неприятное и убаюкивающее одновременно...

– О, сестрица Ирера! – вдруг воскликнул Энаор; на радостях он извернулся как угорь и теперь висел в своей колбе вниз головой, зацепившись длинным пальцем ноги за скобу в её крышке. – Ты пришла освободить меня?

– Всё зависит от тебя, – сказала она, кидая Мору кожаный мешочек с ужином; быстро распустив тесёмки, голодный телепат с наслаждением втянул аромат маринованных улиток.

– Молчит?

– Молчит.

– Как рыба, – пуская пузыри, поддакнул Энаор.

– Чем ты там дышишь, ущербный? – глядя на него сверху вниз, ласково спросила Ирера.

– Ничем. Твой папаша мне даже воздуха не оставил. Вот ведь скареда – во время линьки шерсти не допросишься, – затынул Энаор.

– Что сказал Малаур? – перебил его Мор.

– Ничего. Прочитал мне целую лекцию о том, что я не знаю собственного отца, – раздражённо пнула табуретку Ирера. – Что он уже не раз доказывал свою состоятельность как глава дома. Что мне не пристало уподобляться простакам, не способным увидеть за выходками нашего патриарха точный, холодный расчёт и... Что ты там булькаешь, а? – чуть не подпрыгнув, зашипела она на Энаора.

– Не могу понять, чего ты ждала, дорогая сестрица? Любой творец будет горой стоять за своё творение.

– Ты о чём?

– О том, что это Малаур испортил Селорна. Когда твой папаша только приехал в Бри, он был такой душка. Сама сдержанность, я бы даже сказал – величаявая сдержанность, да... А потом он связался с дурной ан Камианской компанией – и ты видишь результат.

– Не знаю, что там в твоей колбе, но... – начала Ирера.

– В моей колбе – чудесная травяная настойка на спирту, – елеиным голосом подхватил Энаор. – И если ты, сестрица, соизволишь выпустить свой коготок и сделаешь в ней ма-аленькую дырочку, то сможешь насладиться нежнейшим букетом с дурманящей ноткой аланаи.

– Не вздумай! – чуть не подавившись улиткой, рявкнул Мор. – Эта штука – из безднианского стекла. Только она не даёт ему колдовать.

– И в мыслях не имела, – заверила его Ирера. – Так что ты там вещал насчёт Селорна и Малаура?

– То, что именно Малаур создал того злобного психопата Селорна, которого ты знаешь. Он даже сплетню пустил, что твоего папашу турнули из Властителей Великого леса за некое стра-ашное преступление, о котором все молчат из опасений, что он сделает желе из их мозгов.

– И про пожирание эльфийских младенцев – это тоже он? – неожиданно для самого себя спросил Мор.

– Нет. Это – само, – авторитетно заявил Энаор. – Так вот, Малаур долго искал кого-нибудь на роль кровожадной твари из Ал Эменаит.

– И зачем же ему это понадобилось?

– Ирера, ты что, правда не понимаешь? Ты же его приёмная дочь как-никак! Селорн – сильнейший телепат, гроза всех врагов рода кошачьего...

– Но не против каждого противника можно действовать открыто, – понимающе покивал Мор.

– Да. Он не может просто так вломиться в разум какого-нибудь посла или там торговца и заставить его плясать под свою дудку – то есть физически он, конечно, может, но в большинстве стран такие выходки считаются преступлением против личности.

– Разве воздействие Селорна можно обнаружить?

– Нет, конечно. Наши телепаты в чужих головах не следят и лужиц не оставляют. Но сам факт, что господин З. вдруг ни с того ни с сего изменил своё отношение к вопросу Ж. сразу после того, как его вежливо попросил об этом господин С. ан А. А., наводит на мысли, верно?

– Наводит.

– А вот если этот господин С. пользуется славой пожирателя эльфийских младенцев, такая резкая смена мнения уже не кажется слишком подозрительной – ну сдали у З. нервишки, с кем не бывает?

– Разве это не одно и то же? Я имею в виду, какая разница, запугал ли Селорн твоего З. или подчинил его с помощью телепатии. И то, и другое – преступление, – пожала плечами Ирера.

– А кого Селорн запугивает? Из относительно законопослушных неалаев, я имею в виду? Ты знаешь хоть один *реальный* случай, чтобы он кого-нибудь загрыз? Или вынудил что-нибудь сделать под угрозой? Нет? Вот то-то. Ему не надо ничего делать, его слава всё сделает за него, – завистливо вздохнул Энаор. – Вот ради этого, простите, дети мои, за тавтологию, эффектного эффекта Малаур и уговорил Селорна «распуститься» до крайности.

Ирера отвернулась, пряча растерянность. Она никогда не смотрела на своего отца с такой точки зрения.

– Всё это очень интересно, Энаор. Но с чего это ты так разоткровенничался? – покончив с улитками, спросил Мор.

– Думаешь, мне нравится изображать тут маринованный баклажан? – фыркнул Энаор.

– Тебе достаточно рассказать Селорну, над чем вы здесь работали с Инлиром, и он тебя тут же отпустит. Не знаю, чего ты упираешься, его маги всё равно рано или поздно это разнюхают.

– Да уж конечно. Они не могут понять даже то, как мне удастся разговаривать с вами через это стекло, – он выразительно постучал по колбе.

– В любом случае ты Селорна не переупрямишь, – со знанием дела отметила Ирера. – Кстати, если ты так хорошо разбираешься в мотивах его поступков, может, объяснишь, какие такие грандиозные замыслы он прячет за желанием отведать драконьего мяса?

Энаор мигом посерьёзnel и даже вернулся в нормальное положение.

– Не знаю. Но мне всё это очень не нравится. Да и матери тоже. А особенно ей не нравится, что Селорн пытается вытрясти из меня то, о чем я не имею не малейшего понятия, – помолчав, добавил он.

– В смысле?

– Я понятия не имею о том, чем мы тут занимались с Инлиром, – развёл руками Энаор.

– Он что – стёр тебе память? Совсем? – недоверчиво поднял бровь Мор.

– А вот это самое интересное: Инлир никогда не смог бы сработать так чисто, – почти прижимаясь губами к стеклу, проговорил Энаор. – Это сделал кто-то ещё. Чтоб мне мышью проснуться, если это был не эал.

– Эал-предатель? Что-то не верится.

– И как Селорн мог не почувствовать, что у тебя в голове пусто?

– В том-то и дело... – булькнул Энаор. – Я совсем не уверен, что он этого не почувствовал. Думаю, я сижу здесь с какой-то другой целью.

– Как приманка для твоего предателя? – предположила Ирера.

– Например. Но мне не кажется, что всё так просто. Можете мне не верить, но я хвостом чувую, что с Селорном происходит что-то не то. Что бы он ни задумал, я определённо не хочу в этом участвовать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.